

Гатьяна
Перчик

Курортный
роман

Татьяна Герцик
Курортный роман

«Дана Хадсон»

2012

Герцик Т.

Курортный роман / Т. Герцик — «Дана Хадсон», 2012

Есть женщины в русских селеньях... Вот и Даша – одна из них. Она терпеливо сносит упреки мужа, придирки свекрови, но только до той поры, пока на ее пути не встречается настоящий мужчина. Тогда она оставляет все и уходит в неизвестность...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Герцик

Курортный роман

Глава первая

Наконец-то в корпусе санатория водворилась долгожданная тишина. Расписание, предписывающее отдыхающим ложиться спать в одиннадцать часов, выполнять никто не торопился. Народ успокаивался часам к двенадцати, и то в лучшем случае. Зачастую персоналу приходилось обходить этажи и крайне вежливо, чтобы никого не обидеть, упрашивать шумевших удалиться в свои номера.

Вот и сегодня Даше, дежурившей в ночную смену, пришлось уговаривать шумную компанию на пятом этаже. Вняли они ее словам лишь после того, как к ней присоединился внушительного вида охранник и с намеком спросил, сколько дней у них осталось до конца путевки. Смекнув, что из санатория за дебош могут попросить задолго до окончания срока, ищущие сомнительных развлечений отдыхающие соизволили уйти, пошатываясь и матерясь.

Даша обошла все оставшиеся этажи и вернулась в сестринскую. С облегчением сбросила надоевшие туфли, забралась в мягкое, просиженное за многие годы кресло, стоявшее в углу комнаты, и подогнула ноги калачиком. От потока холодного воздуха из приоткрытого окна слегка знобило.

Чтобы согреться, закуталась в большую серую шаль, укывшую ее с головы до пят. От нежного кроличьего пуха сразу стало тепло и уютно. Шаль была Марьи Ивановны, ее сменщицы, мастерски связанная ею из пуха выращенных на своем приусадебном участке кроликов во время таких же бесконечных ночных бдений. Даша взяла шаль без спроса, но была уверена, что хозяйка возражать не будет. Этой шалью пользовались все работающие по ночам медсестры. В сестринской всегда царил прохлада, и теплая шаль помогала перенести долгое сидение в кресле без особых последствий.

Огромный санаторий, где она работала, состоял из нескольких корпусов, различающихся степенью комфорта, от которого зависела цена, которую выкладывал тот или иной пациент за проживание и лечение. Летом здесь для приезжих был рай: красивая большая река с благоустроенным пляжем, густой лес с ягодами и грибами.

Зимой чуток похуже, но тоже неплохо – можно было неспешно гулять по сосновому бору, дыша чистым воздухом, пронизанном терпким запахом хвои, любясь причудливыми деревянными фигурками, вырезанными местными умельцами, кататься на лыжах или бегать на коньках.

Даша служила медсестрой в самом престижном и дорогом номере пятом. Вообще-то у каждого корпуса было свое, достаточно претенциозное, имя, но сотрудники упорно называли их по времени постройки – первый, второй, третий, и так далее.

Штат сотрудников в санатории был большим, но и пациентов хватало. Летом, при полной загруженности, счет шел на тысячи. С одной стороны, работать в таком ухоженном и красивом месте было престижно и довольно денежно, но, с другой, требовалась услужливость до угодливости. Малейшее недовольство какого-нибудь чванливого проживающего, и сотрудник увольнялся без разбирательств, что зачастую оборачивалось настоящей трагедией.

Не особо боялись только те, кого связывали с верхушкой администрации родственные или другие, еще более надежные, отношения, да и то до известных пределов. Недавно за шашни с постояльцем была уволена даже племянница главного бухгалтера, работавшая процедурной сестрой в шестом корпусе. Постаралась ревнивая жена, у которой оказались весьма влиятель-

ные знакомства. А у Даши заступников вовсе не было, поэтому приходилось быть очень исполнительной.

Работу в их маленьком поселке было не найти. Здесь все жили за счет санатория, и даже самый маленький ребенок знал, сколько путевок продано на тот или иной месяц.

Через час у Даши от долгого сидения в кресле затекли ноги, и она резко помахала ими в воздухе, чтобы восстановить кровообращение. Ужасно хотелось лечь на диван, стоящий в холле, и вытянуться во всю длину, но она боялась. Если до главврача, не дай Бог, дойдет, что она спит на дежурстве, вылет без выходного пособия ей обеспечен, прецеденты уже были.

Чтобы стряхнуть дрему, потянулась до хруста в суставах и решила не гневить судьбу. На что ей жаловаться? Это ведь не суматошное дежурство в городской больнице, где медсестры всю ночь бегают по вызовам больных, у которых то давление прыгнет, то приступ начнется, а мирное сидение в удобном кресле. Да и что может случиться в санатории? Дежурство здесь организовано просто для порядка, поскольку так положено, все-таки медучреждение. Она с иронией посмотрела на противоположную стену, называемую персоналом пультом управления. На ней висело табло, как в аэропорту, с указателем всех номеров корпуса. Если в каком-нибудь номере постояльцу станет плохо, он нажмет кнопку вызова дежурной медсестры, прибитую рядом с его кроватью. Тут же над головой дежурной медсестры загорится красным светом номер призывающей ее на помощь комнаты, и тревожно зажужжит зуммер. Пациент будет немедленно спасен!

Даша была глубоко убеждена, что всё это для галочки. За всю ее почти четырехлетнюю работу ни разу не произошло никакого ЧП, да и старшие коллеги, проработавшие здесь по тридцать и более лет, такого не припоминали. Единственное, для чего медсестер вызывали среди ночи принявшие излишнее горячительное пациенты, это по-дурацки пошутить. Но встречались любители не только глупых шуток, но и всего прочего, в связи с чем правилами внутреннего распорядка медперсоналу на ночные вызовы предписывалось ходить исключительно в сопровождении охранника. И эта мера предосторожности была вполне оправдана.

Даша хмуро посмотрела вокруг. Обстановка в сестринской была спартанской: шкаф, стол со стулом. Ни одного яркого цветного пятна. Глаз остановить не на чем. Она с укором взглянула на спящую глаза люстру, подняла чуть подрагивающую руку и включила желтоватое бра, висящее прямо над креслом. Потом неохотно опустила ноги на зеленоватый, потершийся от времени палас, и, не надевая туфель, на цыпочках дошла до выключателя. Нажала на кнопку и комната погрузилась в приятный сумрак, дававший отдых утомленным глазам.

Снова устроилась в кресле, старательно разгладила складки белого халата и поежилась, зябко закутываясь в шаль. Может, не стоило так упорно проветривать комнату? Уж больно холодно. Но тут же утешила себя: зато не развезет от лишнего тепла. У ее подружки Веры в прошлом месяце произошел досадный прокол: заснула под утро в этом самом кресле и не услышала зуммер, вызывающий в номер к пациенту.

Когда ее разбудил встревоженный охранник, было уже поздно, – в сестринскую влетел разъяренный Пал Палыч, главный кадровик всего их ЗАО. На следующий день Вера с присущей ей бесшабашностью рассказывала коллегам, что от возбуждения тот подпрыгивал на месте, как мячик, и вдобавок шипел, будто его ткнули тупым гвоздем:

– Что вы себе позволяете! Мы гордимся этим комплексом, кричим на каждом шагу, что он безупречен, а вы спите на посту, и хоть все пациенты перемри в своих собственных постелях!

К счастью, на этот раз Вере хватило терпения виновато промолчать на глуповатые попреки негодующего Пала Палыча. Хотя обычно она выдержкой не отличалась и могла с ходу выдать такое, от чего потом сама краснела и бледнела, и истово клялась, что вовсе не то хотела сказать.

В общем, повезло, что Вера оказалась последней в длинной цепочке контролируемых, к тому же единственной проштрафившейся. Отделалась сравнительно легко: выговором и месячной премией. Мелочи жизни, ведь вполне могли и выгнать.

Проникнувшись ответственностью, Даша сильно потрясла головой, разгоняя сонливость, и взяла в руки принесенный с собой детектив Агаты Кристи. Слава Богу, читать во время ночного дежурства не запрещали. Даже у них до такого маразма не додумались. Она погрузилась в провинциальную жизнь Англии начала двадцатого века, с удовольствием читая роман из серии о мисс Марпл. Дойдя до середины, подняла голову и бросила нетерпеливый взгляд на стенные часы. Всего половина второго! Если так читать, то книги до утра не хватит. До чего же медленно тянется время!

Она перевела взгляд на окно и стала лениво планировать завтрашний день. Что же надо сделать в первую очередь? Думалось с трудом. Мозги, уверенные, что в такое время надо спать, а не заставлять их трудиться, впитывали информацию с тихим предостерегающим звоном. Даша чувствовала, как в голове медленно вертятся несмазанные винтики и шурупчики.

Внезапно посреди полной тишины послышался неприятный поскрипывающий звук. Дверь в сестринскую, как обычно, была открыта настежь для своевременного обнаружения очередной проверки. Но на этот раз на начальственную инспекцию было не похоже: поскрипывание приближалось не со стороны вестибюля, а со стороны второй лестницы, считавшейся запасной. Ею почти не пользовались, поскольку постояльцы предпочитали лифт, или, в крайнем случае, главную лестницу, выходящую прямо в вестибюль. По запасной, как правило, ходили лишь посетители ресторана, пристроенного к их корпусу совсем недавно и здорово осложнившего и без того беспокойную жизнь медперсонала.

Вот таинственное поскрипывание оказалось совсем рядом, и она поняла, что это чьи-то легкие шаги, заглушаемые ковровым покрытием. Похоже, кто-то крался на цыпочках, стараясь остаться незамеченным, но его выдали чуть поскрипывающие ботинки. Среди дневного шума этот звук был бы не слышен, но посредине ночного безмолвия звучал явственно и зловеще.

Вряд ли это почтенная дама, спешащая за лекарством для внезапно занемогшего супруга. Уж скорее скучающий бездельник, считающий, что его визит – настоящий подарок для такой обездоленной маленькой медсестрички, как она. Ну конечно, ведь ресторан закрылся, а плотские потребности ищут удовлетворения.

Даша превратилась в соляной столб, пытаясь определить, не свернут ли шаги в сторону вестибюля. Нет, не свернули. Бояться она не боялась – рядом охранники, крепкие тренированные мужчины, но на душе стало противно. Она неприязненно сморщила носик, готовясь к приему непрошеного гостя.

За время работы ей пришлось выслушать немало самых разнообразных предложений, от руки и сердца до откровенных приглашений покувыркаться вдвоем в мякоть постельки. Предлагали не только ей – всем медсестрам подряд, даже почтенной бабушке Марье Ивановне. Как говорили медички, у мужиков во время отдыха повышается либидо и они начинают бегать за всеми, кто носит юбку. Причем от внешней привлекательности избранницы интенсивность ухаживания никак не зависит. Шансы закрутить короткий курортный романчик равны у всех женщин. Было бы желание. А вот его-то у Даши никогда не бывало.

У дверей шаги замешкались, но это лишь на мгновение. Под напряженным взглядом медсестры в кабинет по-хозяйски вошел высокий мужчина и плотно прикрыл за собой двери. Даша порадовалась, что на дверях нет замка и закрыться изнутри невозможно. Мудрая, годами проверенная предусмотрительность.

Посетитель повернулся, приветливо сияя белозубой голливудской улыбкой, и она узнала приехавшего вчера пациента. Судорожным движением натянула шаль на плечи и сдержанно попросила:

– Не стоит закрывать дверь, Юрий Николаевич! Будьте так любезны, откройте!

Не сделав ни одного лишнего движения, будто не слыша ее просьбы, мужчина кошачьей походкой подошел поближе, взял стул, поставил напротив ее кресла и сел, всё так же обаятельно улыбаясь. Даше показалось, что улыбка намертво приклеилась к его лицу. Улыбались, открывая безупречные зубы, только четко очерченные губы, а серые глаза рассматривали ее с холодным оценивающим любопытством.

Даша давно заметила, что подобной белозубой улыбкой могли похвастаться далеко не все проживающие в их корпусе. Эта улыбочка стоила столь значительных усилий дантиста, что позволить ее себе могли немногие.

Она приняла вызов и тоже принялась пристально изучать визави. Стройный, высокий, с правильными чертами аристократического лица, с небрежно взъерошенными, как будто легким ветерком, темно-каштановыми волосами и озорным взглядом серых глаз, он был весьма недурен. Она вспомнила старый фильм с Вивьен Ли в роли леди Гамильтон и решила, что Юрий Николаевич вполне бы подошел на роль британского лорда. Такой же красивый, изящно-небрежный и холодный.

Пока он ее разглядывал, Даша насмешливо отвечала ему тем же. Когда она опустила глаза, обдумывая увиденное, Юрий задал ей провокационный вопрос:

– И каков результат?

Чтобы подчеркнуть важность спрашиваемого, слегка наклонился к ней, предоставив прекрасную возможность рассмотреть его вблизи. Она увидела даже черные точки на радужной оболочке его серых глаз, делающих его взгляд неожиданно глубоким. В его зрачках отражалась лампа, горевшая за ее спиной, отчего они казались горящими глазами дикого зверя, вышедшего на охоту. По ее телу пробежали колющие льдинки, предупреждая об опасности.

– Не понимаю, о чем вы?

Даша прикрыла глаза, чтобы не всматриваться в его ждущее лицо. Зачем ей это? Она не желает играть в его примитивные, используемые всеми ловеласами игры.

– Вы же сделали обо мне свои выводы? Вот и выскажите их, не стесняйтесь! – голос походил на урчание сытого кота.

Она досадливо пожала плечами и решила перейти в наступление. Хочется правды? Ну так получай!

– Вы слишком много кокетничаете. Глазки строите, ухмыляетесь не к месту. И это кривляние вас изрядно портит. Если бы вы были женского рода, это было более-менее терпимо, а так...

Он изумленно посмотрел на нее и вдруг громко расхохотался. Глаза потеплели и посмотрели на нее уже с настоящим интересом, а не как на заурядный, давно изученный экземпляр.

– Bravo! Вы гораздо интересней, чем я предполагал! Что же, тем приятнее с вами познакомиться!

От его дыхания веяло легким запахом коньяка, от рубашки нежно пахло ароматом дорогого парфюма. Как Даша и предполагала, он и в самом деле явился сюда из ресторана за продолжением развлекательной программы. На нем был строгий серый в тонкую полоску костюм, и розово-кремовая рубашка, подчеркивающая его фривольное настроение. Правда, верхняя пуговица на рубашке небрежно расстегнута, обнажая крепкую загорелую шею, а из кармана торчал скомканный галстук, уничтожая изысканность наряда. Он ошупывающим взглядом обвел ее тело, задержавшись на высокой груди.

Даша мысленно поздравила себя с правильными выводами: так и должен вести себя скачущий денди на отдыхе! Куда еще ему податься глубокой ночью, как не к всегда готовой его развлечь особе?!

Юрий небрежно покачал ногой, и она обратила внимание на сверкающие серые ботинки с фирменным клеймом на подошве. Спасибо этим слегка поскрипывающим ботинкам, а то бы он, как шпион из плохого детектива, прокрался в комнату бесшумно и захватил ее врасплох.

Он поднес руку к лицу и посмотрел на плоские золотые часы.

– Ого, сколько уже времени прошло, а мы еще не продвинулись в наших отношениях ни на шаг! – и взъерошил свои волосы неожиданно милым и беззащитным жестом.

Но тут же спохватился, вынул из внутреннего кармана зеркальце с расческой и старательно причесался, не забыв про эффект легкого ветерка. Даша наблюдала за ним с саркастически выгнутыми бровями. Ну хоть на королевский бал отправляй, а он тратит свое драгоценное время на очаровывание неприметной дежурной медсестры! И отчего она не встретила его у расправленной постели, сколько времени бы сберегла!

Она насмешливо улыбнулась, представив себе его изумленную физиономию при виде такого ненавязчивого сервиса. Все для приятного отдыха любимых пациентов!

Гость сразу заметил мелькнувшую на ее лице усмешку и развязно поинтересовался:

– Что вас так развеселило, очаровательная Даша? Не мое ли появление? Если бы знал, что вы будете мне так искренне рады, пришел бы гораздо раньше!

Она презрительно фыркнула, уже не пытаясь сдержать негодование.

– Не обольщайтесь, Юрий Николаевич! И не растрачивайте на меня, недостойную, зря свои таланты!

Он наклонился так, что почти коснулся ее лица губами и тихо прошептал:

– Ну, почему же недостойную? Очень даже достойную! – и положил ей на плечо ладонь с длинными сильными пальцами.

Она тут же скинула с плеча его руку. Он безразлично кивнул головой, подтверждая собственные мысли, и она услышала, краснея от досады и негодования:

– Цену набиваешь, голубка? Ну-ну...

Хотела возмутиться и высказать наглому типу все, что о нем думает, но тут дверь открылась, и в комнату заглянул Игорь, спокойный, несколько медлительный охранник в привычной пятнистой форме. Увидел гостя и нахмурился.

– Даша, у тебя всё в порядке?

Ночной визитер повернулся к нему всем телом и резко ответил:

– Да, как видите, все нормально! Сидим, мирно беседуем, драться не собираемся. Ничем другим тоже не занимаемся. – Даше послышался в его резком тоне прозрачный намек – «пока». – Сейчас госпожа дежурная медсестра объяснит мне, что делать во время приступа моей застарелой болезни. Если ей вдруг не понравится мое нескромное поведение, она крикнет вам, или, что еще продуктивнее, нажмет кнопку вызова, – он обвел взглядом стены вокруг, – здесь ведь обязательно должна быть такая на всякий случай! И вы незамедлительно появитесь и пристрелите меня на месте, как бешеную собаку! Так что беспокоиться вам нечего!

Даша кончиками нервов ощутила невысказанную, но от этого не менее ощутимую команду – и идите быстро отсюда!

Игорь обеспокоено посмотрел на нее и вопросительно поднял светлые брови: что делать?

Она, не желая опасного конфликта, процедила сквозь зубы с вздохом безнадежного недовольства:

– Всё в порядке, Игорь, мы просто беседуем. Юрий Николаевич уже уходит! – и со значением посмотрела на незваного гостя, при ее словах еще удобнее усевшегося на стуле, сложившего руки на груди и всем своим видом демонстрирующего свое полное нежелание подтвердить ее нелепые слова.

Охранник пошаркал ногами, не решаясь оставить девушку наедине со столь нахальным типом, но, так же как и Даша, не желая разборки, чреватой неприятностями. Решив всё же, что Даша не даст себя в обиду, молча повернулся и вышел, на всякий случай оставив дверь открытой.

Гость с кривоватой ухмылкой поднялся, снова плотно притворил дверь и сел обратно, с досадой прокомментировав свой трудовой подвиг:

– Ну вот, еще и вахтером тут у вас работай, двери за невежами закрывай.

Даша, брезгливо сморщив носик, выслушала его хвастливую реплику. Спорить не было смысла. Она уже поняла, что все неприятное он просто отменяет в сторону. К чему зря тратить энергию, споря со стулом? Стул ей все равно не ответит, так же как и этот своенравный тип.

Впервые Даша увидела его только сегодня вечером, придя на очередное ночное дежурство. Она подготовила лекарства и начала привычно делать назначенные пациентам на вечер процедуры. Тут без стука, и, как она подозревала, без очереди, в медкабинете появился этот тип, пристально осмотрел ее с ног до головы, будто оценивал лошадь на базаре, и восторженно пробормотал:

– А, это знаменитая Даша! – и протянул ей руку, уверенный, что она непременно протянет ему свою ладошку.

Она руку ему не дала, бросив в его сторону саркастичный, умудренный жизнью взгляд.

– Извините, но у меня руки обработаны.

Он надменно пожал плечами, сразу разгадав пустую отговорку, и представился, склонив голову:

– Юрий! Очень вас жду! Можно сказать, я здесь только из-за вас!

Она удивилась. Никогда прежде его не видела. Впервые кто-то из курортников отпускал такие странные заявления в ее адрес. Спросила, что ему назначено, получила двусмысленный ответ:

– Из медуслуг – ничего.

При этом он так посмотрел на нее откровенно раздевающим взглядом, что она сразу поняла, какого рода услуги ему понадобились. Строго попросила его выйти из помещения. Он заупрямился, но тут в кабинет вошел немолодой мужчина, возмущенный проникновением Юрия без очереди, и тот был вынужден выйти, многозначительно пообещав на прощанье, что они еще встретятся. Это прозвучало так амбициозно, что Даша, недоброжелательно посмотрев ему вслед, брезгливо передернула плечиком. Каков нахал!

В десять часов, управившись с делами, подняла карточки прибывших за последние два дня и просмотрела их. Юрий среди них был только один – Петров Юрий Николаевич, двадцать девять лет, холост. Поселен в люксе на третьем этаже. Она потеряла внезапно замерзшие руки и вздрогнула от нехорошего предчувствия. И, конечно, интуиция ее не подвела.

Даша с вызовом посмотрела на властное лицо сидевшего в неприличной близости мужчины. Он разглядывал ее с такой циничной усмешкой, как будто на ней висел ценник с перечнем оказываемых ею интимных услуг. И напротив каждого вида – своя цена. Она с трудом сглотнула, подавив откуда-то взявшийся нелепый страх.

– Ну-с, милая девушка, рассказывайте о себе! – голос прозвучал требовательно, как будто она устраивалась к нему на работу, и Юрий выяснял степень ее компетентности и благонадежности.

Она отрицательно покачала головой, вновь подивившись его беспримерному нахальству. Он наклонился, сжал ее локоть и, не давая уклониться, настойчиво продолжил:

– Сколько вам лет, для начала?

– С чего вы решили, что я вообще хочу с вами разговаривать? – она сильно дернула руку, стараясь вырвать ее из стального захвата.

Юрий насмешливо улыбнулся, не выпуская ее ладони. Казалось, он и не заметил нервного трепыхания собеседницы.

– Ну, вы же не хотите, чтобы я расспрашивал о вашей жизни ваших сослуживцев? Ведь кто только чего не порасскажет. Зачастую то, чего и не бывало. Хотя, думаю, это будет очень забавно. И для рассказчиков и для меня.

Даша испуганно подумала: еще как забавно! Если он пристанет с расспросами к Людмиле Васильевне, их болтливой кастелянше, то через полчаса о его нездоровом интересе будет знать

весь поселок. Слухи непременно дойдут до свекрови, а у них и без того не слишком любезные отношения. Оскорблений от Нины Андреевны ей и без того вполне достаточно!

К сожалению, историю ее немудреной жизни в поселке знает каждая собака. Любой встречный, от пятилетнего ребенка до столетнего старца, может поведать этому типу ее биографию. Уж лучше она сама. Не такая уж это тайна. Сдержанно ответила, нахмутив ровные брови:

– Двадцать пять!

Он усмехнулся, никак не прокомментировав сдачу ею первой линии оборонительных рубежей.

– Замечательно! Продолжаем разговор! Замужем?

Даша скривилась. Этот допрос ей все больше не нравился. Она отрезала, подчеркивая раздражение его бесцеремонностью:

– Да!

Он удивленно принахмурился.

– Дети?

– Дочь!

Он выпустил ее руку, откинулся на спинку стула и посмотрел на нее прищуренными, скрывающими охотничий блеск, серыми глазами.

– Чудненько! Мне никогда не нравились чопорные девственницы! Скучно с ними, знаете ли! Куда интереснее с познавшими жизнь дамами!

Даша покраснела и отчеканила:

– Меня ваши сексуальные пристрастия не интересуют!

Он нарочито удивился:

– А мы что, о моих сексуальных предпочтениях беседуем? Как увлекательно! Я и не знал!

Но, если они вас так интересуют, спрашивайте, не стесняйтесь! Обещаю, что отвечу вам, как на духу! Исповедуюсь, так сказать, всё равно в церковь не хожу.

Она нервно вжалась в спинку кресла, боясь спровоцировать его на еще более откровенные высказывания.

– Я в ваших развлечениях участвовать не собираюсь!

Он согласно покивал головой.

– Нет, конечно, не теперь. Но, может, денька через два? У меня время, знаете ли, ограничено. Я здесь всего на пару-тройку недель. Причем два дня уже прошло. Может быть, не будем играть в кошки-мышки так долго? Это примитивно, знаете ли. Тем более, что результат заранее известен.

Даша не знала, что ему ответить, и молча смотрела в его красивое самоуверенное лицо. Он говорил так, будто знал о ней гораздо больше, чем она о себе. Нахватался глупых слухов? Она медленно, стараясь быть очень убедительной, произнесла, глядя ему прямо в глаза:

– Не понимаю, кто и какой ерунды вам обо мне наговорил, но поверьте, я ни с кем в подобные игры не играю. Я замужем, и мужу никогда не изменяла, не собираюсь и впредь, что бы вы о себе не возомнили.

Он скептически выгнул бровь.

– Даже так? Что там дальше по сценарию? Мне нужно сделать вид, что поверил в эту трогательную сказочку о любви и преданности?

Даша яростно вскинулась, задев за живое:

– Да думайте, что хотите, мне-то что! – и попыталась встать, но он властно усадил ее обратно.

Она изо всех сил оттолкнула его, гордо выпрямилась и замолчала.

Юрий развязно продолжил, не желая считаться с ее глупыми капризами:

– А муж что ж? О чем муж не узнает, о том и переживать не будет, не так ли?

Она отважно бросилась в бой:

– И о чем это не узнает мой муж?

Он небрежно взмахнул рукой, отметая не стоящую внимания мелочь.

– Как что? То, что мы с вами будем близки!

У Даши гневным огнем засверкали золотистые глаза.

– Конкретнее, пожалуйста! Как именно близки?!

Он залюбовался ее вспыхнувшим гневным личиком. Снова наклонился к ней, взял в руки ее ладони, сжал и поднес к губам. Она с мрачным интересом следила за его манипуляциями. Поцеловал кончики тоненьких пальчиков и восторженно сказал:

– Милая Даша! Вам никто не говорил, что вы божественно хороши в гнев? Как сверкают глазки! Как на щечках пылают нежный румянец! Как светится прозрачная кожа! Как вздымается взволнованная грудь! – Прервал поток восхвалений и прозаически заметил: – А на ваш нескромный вопрос могу ответить одно: очень, очень близки!

Она резко вырвала ладони, чувствуя спазм в горле. Откашлялась и презрительно заметила:

– Вы, верно, выпили лишнее, вот ваше либидо и разыграло до непомерных размеров!

Он нарочито оскорбился, бросив на нее насмешливо-лукавый взгляд.

– Вы что, считаете, оно без допинга никуда не годится? Может, проверим? – и медленно, так, что она почувствовала каждый миллиметр своей кожи, которой касался его горячий взгляд, опустил глаза на ее грудь.

У нее появилось дикое чувство, что она совсем раздета. Машинально сильнее стянула шаль на груди, что не укрылось от его внимательного взгляда.

– Что, действует? – бесстыдно хихикнул, не скрывая своего удовлетворения.

Даше никогда прежде не приходилось вести такие рискованные разговоры. Что бы она ни сказала, он все выворачивал наизнанку, и она чувствовала себя бесстыжей шлюшкой. Как его остановить? Позвать на помощь охранников? Но ради чего? Ведь ничего не случилось, если не считать непристойного разговора, в который он ее втянул.

Она прикрыла глаза, чтоб не видеть его нахальную рожу и хоть чуть-чуть успокоиться.

Ее неосторожностью незамедлительно воспользовался Юрий, подвинув свой стул почти вплотную к ее креслу. Сжал своими коленями ее ноги, оперся руками о подлокотники, и Даша оказалась в плену. Прежде чем она опомнилась, навалился на нее мощным телом и припечатал к спинке кресла. Стремительным движением прижался к ее губам.

Даша растерялась. Такого напора и безоглядности она и предположить не могла. Прежде чем сообразила, что же ей делать, голова утонула в мягкой обивке, не давая ни отпрыгнуть, ни отвернуться. Она почувствовала, как от ворса чуть слышно запахло пылью. Полуобморочно подумала: кресло надо пропылесосить, и удивилась сама себе. О чем она думает в такую минуту?! Надо отбиваться, а то он невесть что подумает! Замедленно, как во сне, вскинула руки, и стала толкать его в грудь. Ослабевшие пальцы скользили по гладкой шелковистой ткани рубашки и толчки получались неуверенными и слабыми. Как будто она сильно сомневалась в своих действиях.

Он так и подумал, потому что довольно хмыкнул и сильнее впился в ее губы. У нее на виске от чувства унижения и обиды лихорадочно забились голубая жилка. Что она сделала такого, чтобы дать ему право обращаться с ней, как со шлюшкой?

Даша замерла, не пытаясь больше его отпихнуть, и по щекам, как она ни пыталась сдержаться, чтобы не показывать собственной слабости, покатились слезы.

Юрий, почувствовав влагу на своем лице, оторвался от ее губ и заглянул в глаза, тихо чертыхнулся и отодвинулся, не понимая, что случилось.

Она тут же соскочила с кресла, даже не обувая лежащие в стороне босоножки, и отбежала в сторону. Достала из кармана носовой платок, промокнула глаза и решительно высморкалась. Повернулась к нему и твердо потребовала:

– Ну, хватит! Вы уже унизили меня всеми возможными способами! А теперь убирайтесь!

Он медленно поднялся, не сводя взгляда с ее обиженного лица, неодобрительно хмурясь. Ей показалось, что он недоволен собой и хочет извиниться, но его слова тут же показали ей всю беспочвенность ее фантазий.

– Bravo! Настоящее представление! – и он, как примерный зритель, несколько раз звонко хлопнул в ладоши. – Вы отменная актриса, ко всем вашим прочим талантам! И для чего этот концерт? Чтобы слаще была победа? Ставки растут?

Она неосознанно сжала руки в кулаки, мечтая двинуть его по развязно ухмыляющейся физиономии, чтобы стереть эту гадкую ухмылку. Юрий, почувствовав, что рассердил ее не на шутку, растянул губы в довольной улыбке, будто совершил что-то на редкость достойное и двинулся к выходу, бросив на ходу:

– До скорой плодотворной встречи! – и вышел, насвистывая под нос лихой мотивчик.

Даша постояла еще немного, сжимая и разжимая пальцы, и чувствуя, как что-то мелко подрагивает внутри. Осмотрительно выглянула в коридор, опасаясь его внезапного возвращения. Но всё было тихо, лишь где-то вверху слышался легкий гул от быстрых шагов по лестнице. Она с трудом перевела дыхание, чувствуя, как застоявшийся в легких воздух с трудом прорывается наружу. Чувство было такое, будто по ней несколько раз проехал асфальтовый каток. Чтобы успокоиться, еще раз глубоко вздохнула и резко выдохнула.

Утешающе сказала себе вслух, успокаиваясь от звука собственного голоса:

– Что ж, будем считать, что это полезный жизненный опыт. Единственная задача на будущее: ни в коем случае не оставаться с ним наедине!

Посмотрела на часы и поразилась: четвертый час ночи! Как быстро пролетело время благодаря незваному визитеру! Ну что ж, и на этом спасибо. Хотя было бы гораздо лучше, если б его здесь никогда не бывало.

Она снова привычно устроилась в кресле, натянув на себя шаль. Поняв, что ей вовсе не холодно, а скорее жарко, скинула ее и бездумно уставилась в окно на чуть покачивающиеся верхушки высоких сосен. Спать совершенно не хотелось. Перед глазами все еще стояло красивое лицо с циничным блеском в глазах.

В комнату заглянул озабоченный Игорь. Огляделся, высматривая неприятного нахала. Не увидел, заметно воспрянул духом и предложил:

– Даша, чай пить будешь?

Она кивнула, осторожно встала, разминая затекшие ноги, и вышла в коридор.

В маленькой комнате для отдыха персонала уже стоял накрытый стол. Алексей, второй охранник, заварив свежего чая, терпеливо их ждал, склонив на руку кудрявую рыжеватую голову и стараясь не зевать.

Даша с удовольствием вдохнула аппетитные запахи и поняла, что за эту беспокойную ночь не на шутку проголодалась. Скромно присела на краешек стула, налила в свою чашку кипятка. Добавила заварки до светло-коричневого цвета, чтобы было покрепче. Сахар класть не стала. Взяла румяное домашнее печенье, аккуратно выложенное на маленькое белое блюдечко.

– Мама пекла? – она посмотрела на исподволь наблюдавшего за ней Алексея.

Он согласно покачал головой, не отрывая от нее умильного взгляда.

– Хорошая у тебя мама. Кулинарка замечательная. Поэтому и не женишься? Невест кругом полно.

Алексей раздраженно бросил ложечку в жалобно зазвеневшее блюдце и пренебрежительно фыркнул:

– Хорошие-то давно расхvatаны, остался ширпотреб. Вот на тебе бы я женился, да тебя уже к рукам прибрали. Но, может, еще не поздно? Мужа и подвинуть можно. – Он с напряжением посмотрел на нее, ожидая ответа.

Она мысленно вознесла молитву Господу о спасении. Что за день такой сегодня? Вернее, ночь? Выручил Игорь, с неодобрением наблюдавший за легкомысленным коллегой. Сам давно и счастливо женатый, он тут же примерил подобного провокатора к своей жене, и неласково отбрил:

– Ты давай чужим женам зубы-то не заговаривай! Свою заведи и караул ее тогда от таких охальников, как сам!

Парень задумчиво похрустел печеньем, склонив голову и всё так же поглаживая Дашу взглядом.

– Ну, если как следует постараться, то чужая жена может стать своей. Не в первый раз это произойдет и не в последний! Первооткрывателем в этой области мне явно не бывать, да, Даша?

Она, засмуцавшись, оглянулась на дверь, будто желая скрыться от ненужных вопросов, а Игорь погрозил Алексею кулаком, не шутя разозлившись:

– Ты не заговаривайся! Смотри, Валерию скажу!

Алексей пренебрежительно передернул мощными плечами, обтянутыми защитного цвета камуфляжной формой.

– Ну и скажи! Что это изменит?

Даша невольно сравнила его с мужем, обрюзгшим и растолстевшим за годы их брака. Сравнение было не в пользу последнего.

Игорь привстал, Алексей сделал то же самое. Мужчины в упор смотрели друг на друга, набывшись и готовясь отстаивать каждый свое мнение. Даша, потеряв аппетит, быстро допила чай, ополоснула чашку под струей горячей воды и аккуратно убрала ее в буфет. Повернувшись к разозленным мужчинам, укоризненно произнесла:

– Хватит ерунду болтать! Спасибо за чай и печенье, я ухожу к себе!

Охранники, опомнившись, сконфужено посмотрели на нее и медленно опустились обратно.

Даша вернулась в кабинет, привычно устроилась в кресле, свернув ноги калачиком, взяла томик Агаты Кристи и решительно запретила себе думать о неприятностях. Но читать не могла. Как хорошо, что навестить ее приходил Игорь, а не Алексей. Парень, увидев настырного отдыхающего, наверняка устроил бы хорошую драку, не думая о последствиях.

И почему она раньше не замечала такого явного предпочтения? Не обращала внимания, или он не показывал своих чувств? И почему именно сегодня говорил такие нескромные вещи? Что случилось? Сама она ко всем мужчинам относилась бесстрастно и не подозревала, что могло вызвать подобную сцену. Вздохнув, отложила книгу и положила гудевшую голову на спинку кресла. За окном медленно светало. Ночь прошла незаметно.

В восемь часов утра сдала дежурство пришедшей на работу Марье Ивановне и ушла домой.

Глава вторая

Даша медленно шла по узенькой улице мимо небольших частных домов. Голова слегка кружилась от бессонной ночи и чистого свежего воздуха. Стояла ранняя весна, солнце успело растопить снег, но по утрам огромные лужи еще были затянуты корочкой льда, звонко хрустевшего под ногами. Ее руки оттягивала привычная тяжесть – по дороге она заскочила в гастроном, купила продукты.

Остановилась у небольшого кирпичного дома, обнесенного невысокой деревянной изгородью. Пошарила под карнизом, вытащила оставленный там ключ, открыла дверь и вошла. Разделась и, морщась, прошла по комнатам. Как обычно, везде был жуткий беспорядок. Муж считал, что делает ей великое одолжение, уводя дочку в садик, поскольку не мужское это дело. А уж убрать за ребенком раскиданные игрушки или хотя бы бросить в корзину для грязного белья собственные носки и вовсе считал ниже своего достоинства.

Вздыхнув и пошатываясь от усталости, она прибрала в комнатах и на кухне. Достала из холодильника банку деревенского молока, налила почти до краев большой белый бокал. Выпила, заедая вчерашней ватрушкой, и как подкошенная рухнула в постель, едва успев откинуть одеяло.

Сон снился на редкость тоскливый: ночной посетитель со снисходительным видом целовал ее в губы, принимая все ее протесты за поощрение. И, что самое противное – ей было приятно. И ничего она с этим поделать не могла. Прекрасно понимала, что так нельзя, что она должна оказать настоящее сопротивление, но руки лишь беспомощно скользили по шелковистой глади его серой рубашки.

Вынырнула из сна от громкого бесцеремонного голоса свекрови:

– Что, в этом доме опять пожрать нечего?

Осторожно села на постели, поставив на пол босые ноги и свесив голову на грудь. Перед глазами всё плыло от недосыпания.

В спальню без церемоний по-хозяйски вошла Нина Андреевна, уперши руки в бока. Остановилась перед ней и потребовала отчета:

– Опять валяешься? Ох, и ленивая же ты, девка! Можно подумать, что устаешь на своей балдежной работе! Не кирпичи ведь таскаешь! Сидишь себе в креслице, книжки читаешь! А на кухне – хоть шаром покати! Я укалываю, укалываю, а пожрать у тебя в обед нечего!

Даша вздохнула. К постоянным попрекам свекрови она давно привыкла. Закрутила волосы узлом на затылке, закрепила старенькими погнутыми шпильками.

– Сейчас посмотрю, что можно приготовить.

Прошла босиком на кухню, не обращая внимания на холодный пол и злобное ворчание голодной свекровки. Вынула из холодильника огромный кусок горбуши, купленный утром, нарезала его на тоненькие аппетитные кусочки, быстро обжарила их на сковороде, залила взбитым яйцом и поставила в микроволновку. Через пять минут обед был готов. Вскипятила чайник и заварила кофе с молоком. Добавила побольше сахару – так, как любила свекровь. И все это под тяжелое бубнение:

– Вон у Конюшевых невестка, Зинка, так та просто метеор! И на работе всё успевает, и дом полная чаша! А уж пожрать всегда целый холодильник! Столько наготовлено, уж каких только разносолов нет! Не то, что у тебя! Ты сваришь с гулькин нос, лишь бы тебе хватило, а на остальных наплевать!

Даша, никогда не готовившая много, чтобы еда не кисла зря в холодильнике, отмолчалась. Хотя и хотелось ответить, что у Зинаиды муж работает в строительной артели и зарабатывает не в пример больше Валерия, к тому же сама Зина, уборщица в магазине, занята всего

пару часов в день. В начале замужества она пыталась что-то объяснять свекрови, но скоро поняла, что та не слушает ее принципиально, и прекратила это бестолковое занятие.

Нина Андреевна проворно умяла всё, что невестка поставила перед ней на стол и, даже не подумав поблагодарить – было бы за что! – умчалась на работу. Она трудилась в строительно-ремонтном участке всё того же санатория. Дорога до собственного дома заняла бы у нее на пять минут больше. Но зачем? Попрекать-то тогда было бы некого, и обед ей по первому требованию никто бы не подал. Она «укалывала», а еду готовил, если сильно есть хотел, свекор. Но вообще-то они оба предпочитали приходить к невестке, чтобы поесть задарма. Экономные были очень. Правда, свекор не был таким жмотом, как свекровка. Иногда даже приносил внучке шоколадку, правда, самую маленькую, какую только можно было купить в их поселковом магазине.

Проводив Нину Андреевну, Даша умылась холодной водой, чтобы прогнать остатки сна, и принялась готовить ужин. Поставила на плиту четырехлитровую кастрюлю с большим куском мяса и прокрутила килограмм говяжьего фарша, приправленный большим количеством красного и черного перца, лука и чеснока, чтобы было поострее, как нравилось Валерию. Одним им столько было ни к чему, но родители мужа, проголодавшиеся после работы, наверняка, как повелось, придут к ним ужинать.

К пяти часам все было готово. Ароматный борщ, густой и темно-красный, как нравилось свекру, уже стоял на столе. Мясные зразы с грибами, которые обожал муж, доходили в плотно закрытой сковородке на плите, а в духовке пекся манник с изюмом и маком для свекрови, изрядной сладкоежки. Какао с молоком, сваренное для дочки в маленькой кастрюльке, убрала подальше, на самый угол кухонного стола, чтобы взрослые не выпили его, не оставив девочке ни капли, как уже не раз бывало.

В пять часов сбегала за Машей в детский сад на соседнюю улицу, и, торопливо помогая ей одеться, выслушала комментарии воспитательницы. Опять дочка стукнула Вовку, юного хулигана из старшей группы, обозвавшим ее дурой. Похоже, воспитательница была из породы стратотерпцев и искренне считала, что женщина в любом возрасте должна покорно сносить все гадости, что скажет ей мужчина. О равноправии и чувстве собственного достоинства ей, похоже, никто никогда не рассказывал. Конечно, курица не птица, баба – не человек! Даша пожала плечами в ответ на смешные упреки Ксении Борисовны, взяла дочь за руку и повела домой, никак не отреагировав на замечание педагога.

По дороге девочка без умолку щебетала, соскучившись за день по матери. Даша слушала дочурку с нежной улыбкой. Похоже, что дочка – единственный человек, который любит ее за то, что она есть. Была, конечно, еще родная мать, но дочь давно стала для нее отрезанным ломтем. Мать второй раз вышла замуж. От нового брака у нее было двое сыновей. Старшему, Андрею, было четырнадцать, а Сережке, младшему, недавно исполнилось десять, и все ее заботы были устремлены на них. Хотя к единственной дочери она относилась доброжелательно и помогала, чем могла. Но та жила своим домом и особых забот не требовала.

Даша с дочерью зашли в дом, где на кухне уже хозяйничал разозленный муж.

– Могла бы и на стол накрыть к моему приходу, а Машку из садика забрать пораньше! – послышался его недовольный голос, едва жена переступила порог дома.

Она только иронично приподняла кончики темных бровей. Опять не угодила!

– Иди поиграй в своей комнате, солнышко! – помогла дочери раздеться и тихонько подтолкнула ее в сторону детской. – Не мешай папе ужинать!

Маша вприпрыжку ускакала к себе, а Даша прошла на кухню.

Валерий, раздосадованный вынужденным самообслуживанием, уже съел полную тарелку борща, потом налил столько же добавки, положил себе почти все зразы, и все это быстро сжевал. Отрезал сначала полманника, потом еще огромный кусок. Оставив им с дочкой один стакан какао на двоих, сыто отвалился от стола и недовольно пробурчал:

– Устал сегодня до чертиков, и в обед поесть не довелось... Ты же хотела рыбу сегодня приготовить, почему не сделала? Мясо уже осточертело...

Даша однозначно ответила:

– Нина Андреевна была. – Матерью, как та ни настаивала, она свекровь не называла. Какая она ей мать? – Не знаю, чем буду кормить ее со свекром, если придут вечером. – Она скептически осмотрела пустую посуду.

Валерий презрительно фыркнул и приказал:

– Еще приготовишь. Да и больше продуктов покупай, чего вечно мелочишься?

Она только молча повела плечами. Валерий приносил в дом денег вдвое меньше, чем она, но, поскольку по магазинам никогда не ходил и цен не знал, был убежден, что содержит и жену и ребенка. Даша его в этом не разубеждала. При его врожденной мелочности он вполне мог решить, что она тратит деньги не на семью, а на себя, или даже тайком от него копит их на сберкнижке, как это делали все его родственники. Или опять примется упрекать ее в мотовстве.

Конечно, если бы к ним каждый божий день не приходили родители мужа, можно было бы кое-что откладывать, но сладкая парочка со своим непомерным аппетитом сжирала все доходы молодой семьи. Выручала Дашина мать, снабжавшая дочь всем, что может дать крепкое крестьянское хозяйство. Молодые тоже ездили летом в деревню, чтобы помочь управиться с покосом, но родным помогала одна Даша, а Валерий, отравивший изрядный животик, не стеснясь жениной родни, валялся весь отпуск в гамаке, греясь на солнышке.

Дашин отчим, Генрих Иванович, строгий трудолюбивый мужик, не одобрял неповоротливого мужа падчерицы, но помалкивал. Не его это дело – лезть в чужую семью и давать указания. Уезжая, Валерий всегда чувствовал себя благодетелем, хотя Нива была доверху забита припасами на зиму. Он по натуре был неблагодарным, а мать, у которой он был единственным дитятком, сделала из него законченного эгоиста.

Даша, даже не пытаясь сесть с мужем за стол, чтобы не получить новую порцию оскорблений, искоса посмотрела на него. Разленился, обрюзг, под глазами мешки. Живот выпирает из-под тренировочных штанов на полметра. А ведь когда-то был первым парнем на деревне. Да, женитьба явно не пошла ему на пользу. Наверное, в этом есть и ее вина.

Неслышно вздохнув, собрала со стола грязную посуду и стала ее сноровисто мыть, поглядывая на красную стрелку водонагревателя, медленно ползущую вниз. Сегодня надо купать Машу, а воды может не хватить. Она давно просила мужа поменять маленький двадцатилитровый бак на больший. Но муж, вовсе не любитель мытья, не понимал, для чего в деревне горячая вода. Мыться можно и в бане, которую они топили по субботам. В остальное время это просто баловство. Есть нагреватель – пусть говорит спасибо, что посуду горячей водой моет. Другие себе такую роскошь не позволяют. Громко рыгнув, Валерий тяжело поднялся и ушел в большую комнату, откуда тотчас донесся громкий звук включенного телевизора.

В девять часов Даша уложила вымытую дочку спать, почитала ей на ночь «Айболита», плотно укрыла одеялом и поцеловала в забавно топорщившийся носик. Тихонько закрыв дверь в комнату задремавшей девчушки, ушла на кухню. После вчерашней стирки осталась гора высохшего белья, и она до полночи гладила белье.

В двенадцать приняла душ, и, полумертвая от усталости, легла в постель. Только заснула, как пришел муж, досмотревший очередной боевик, и пожелал заняться выполнением супружеских обязанностей. Ей вовсе не хотелось близости после всех его оскорблений и дурацких претензий, но она молча вытерпела все его притязания. Валерий без церемоний овладел ею, никаких постельных нежностей он не признавал, зачем тратить время на подобные глупости?

Минут через пять глухого пыхтения слез с нее и недовольно заявил:

– Ну и холодная же ты, прямо лягушка! Другие бабы и обнимут, и поцелуют, и словечко ласковое на ушко шепнут, а ты как спящая рыба!

Дашу обдало сначала жаром, потом холодом. Другие бабы? Она прекрасно знала, что мужем до свадьбы накоплен большой опыт в таких делах, но всё-таки надеялась, что он не будет сравнивать ее с другими. Какой же он все-таки бесчувственный! Что мамочка его, что он сам! Ссориться не хотелось, но она всё же тихо сказала, не скрывая обиды:

– Я устала! Я отдежурила ночь и днем мне поспать почти не удалось!

Он презрительно фыркнул и повернулся на другой бок.

– Все устают! Ну и что? Я-то, дурак, когда женился на тебе, думал, что ты нежная, а ты бревно бревном! Если бы не подставилась и не залетела, я на тебя никогда бы и не посмотрел! За мной такие девки бегали, не чета тебе, глупой корове!

Даша повернулась к стене и стиснула зубы. Плакать не хотела, но слезы сами собой побежали из глаз. Она плакала очень редко, но сегодняшний день и особенно прошедшая ночь измучили ее. Стараясь сдержаться, задышала размеренно и ровно, чтобы Валерий не смог догадаться, что снова ее обидел. Ее слезы доставляли ему особенное наслаждение.

Вера Пономарева, ее лучшая подружка, была убеждена, что он биовампир.

– Точно-точно, Дашка! Ты посмотри, каким он становится сытым и довольным, стоит ему довести тебя до слез! Ты – как выжатый лимон, а он сияет, как начищенный медный таз! Это типичный признак биовампиризма! Берегись! А лучше беги от него, пока еще жива! У них вся семейка такая! От всех держаться надо подальше, чтобы не сожрали!

Хотя Даша и не верила в вампиров разных мастей, но то, что в семейке мужа все любили делать друг другу гадости и радовались, если им удавалось побольнее задеть друг друга, было неоспоримо. Ну, любят люди ругаться! Кому ведь что нравится. Может, они таким путем свою жизнь интереснее делают?

Но особенно обидно было, когда муж начинал попрекать ее нечаянной беременностью. Окрутила! Подставилась! Это были самые благодушные из всех выражений, которые он употреблял. Хотя всё было вовсе не так.

Едва после окончания медицинского колледжа она приехала на работу в санаторий, куда ее сумел устроить брат отчима, воспользовавшись своим давним знакомством с главврачом, как на нее сразу положил глаз местный красавчик. Ей едва исполнилось двадцать, она еще ни в кого не влюблялась, поскольку всегда была ответственной и осторожной. В силу крайней неопытности не понимала, что Валерий просто ищет легких развлечений. Местные красотки ему поднадоели, он увидел свеженькое личико и решил испытать свои чары на ней, так сказать, проветрить свой шарм, чтобы не застоялся.

Наивной девушке показалось, что к ней пришла настоящая любовь. Валерий так красиво ухаживал, – дарил цветы, правда, сорванные в чужих палисадниках, читал стихи, водил гулять при луне. Он так задурил ей голову, что она даже не поняла, как оказалась в его постели. О предохранении и не подумал, поскольку считал, раз она медичка, то вполне сможет позаботиться о себе сама, а она ничего подобного не ожидала, поэтому тоже своевременных мер не приняла.

В результате через пару месяцев выяснилось, что она беременна. Валерий пришел в ярость, стал отрекаться от ребенка и требовать, чтобы она сделала аборт. Даша решительно отказалась, решив вырастить малыша одна. Она бы так и сделала, если б не твердые моральные устои поселка. Поскольку вся эта история происходила на глазах у множества людей, Валерия начали осуждать, а заодно и его мамашу.

Нина Андреевна людского порицания вынести не смогла и заставила сыночка жениться.

На свадьбе Валерий вел себя безобразно – целовать невесту не захотел, во всеуслышанье заявив, что женят его насильно, неприязни к ней не скрывал, и бедная Даша весь день проходила с пунцовыми щеками и опущенными в землю глазами, чувствуя себя униженной и бесправной. Она бы никогда не согласилась на подобную свадьбу, но ее родители, люди строгих

нравов, считали, что грех должен быть прикрыт, пусть потом и разведутся, но свадьба должна быть обязательно.

Спорить с родными, особенно с отчимом, ей было не по силам, и фальшивая свадьба состоялась. По деревенским меркам она прошла вполне нормально: водки и самогона было вдосталь, закусить тоже было чем, под конец была традиционная драка с добротным мордобоем. В общем, народ оторвался по полной программе, и на хмурых молодоженов внимания не обращал. Через полгода после свадьбы родилась Машенька.

Возможно, молодые со временем попритерлись бы друг к другу и стали жить не хуже, чем другие молодые семьи в поселке, поскольку у Даши характер был мирный и покладистый, если бы в их жизнь с упорством бульдога не вмешивалась свекровь. Вот уж кому всё, что ни сделает сноха, было нехорошо.

Нине Андреевне не нравилось в Даше всё. От мышинной внешности до рыбьего характера. Она критиковала ее всегда и везде, не стесняясь никаких слушателей. Ну как же! Единственный сыночек вполне мог жениться на девушке с высшим образованием, из хорошей семьи и жить сейчас в дорогом красивом коттедже, которые строил для своей элиты санаторий. А Дарья – какая-то заштатная медсестра! Да еще с родителями из глухой деревни! Себя Нина Андреевна считала городской дамой, обеспеченной и с большими связями. Подобный мезальянс ее совершенно не устраивал.

По молодости и наивности Даша много раз пыталась найти со свекровью общий язык, но, в кровь побившись о ее железный норов, оставила зряшные попытки. Была с ней вежлива и выдержанна, в пререкания никогда не вступала, молча выслушивала бесконечные вздорные обвинения и никогда никому не жаловалась.

Свекровь считала ее глуповатой мямлей и своего мнения от многочисленных знакомых не скрывала. Правда, у жителей поселка было свое мнение, но властолюбивой и не терпящей противоречий Нине Андреевне мало кто решался возражать. А тех, кто возражал, она просто не слушала, считая, что они такие же дуралеи, как ее постылая невестка.

Первые два года Валерий, поостыв после свадьбы, довольно снисходительно относился к своей милой и ласковой жене, но потом по привычке и начал походя ее обижать. А что? Она ведь всегда под боком и никуда не денется, как бы ей ни нахамить. Под бесконечные материнские причитания о его погубленной жизни поверил в них и стал усиленно третировать жену, получая от этого какое-то извращенное удовольствие.

Даша терпела молча, как многие женщины в русских селеньях. А что бы изменили пустые разговоры? Не бьет, и то хорошо. Деваться ей с малышкой на руках было некуда. Если бы она была одна, не задумываясь бросила бы такую жизнь, уехала в город, нашла бы работу. Как-нибудь прожила бы.

На следующий день Даша привычно поднялась в шесть часов, приготовила обильный завтрак, а заодно и обед, чтобы свекровь не осталась голодной. В полвосьмого отвела дочку в садик и убежала на работу.

Переодевшись в отглаженный белый халат, убрала волосы под шапочку и приступила к привычным обязанностям. С начала смены прошло уже изрядно, когда в комнату, умудрившись зацепиться карманом за ручку двери, влетела высоченная запыхавшаяся особа с огнедышащим румянцем на щеках. С пыхтеньем отцепившись от коварной двери, она высоко подняла руки, будто благоразумно решила сдать себя окружившей ее вражеской армии, и быстро выпалила:

– Опоздала, знаю, жутко виновата! Но, поскольку мне повезло не попасться на глаза начальства, будем считать, что пришла я вовремя!

Даша многозначительно взглянула на часы. С начала смены прошел почти час. Снисходительно пожала плечами, ничуть не удивившись. С Верой всегда так. Марья Ивановна, постовая

медсестра, мирно сидящая за письменным столом и разбиравшая в историях болезней каракули лечащих врачей, тоже с привычным скептицизмом посмотрела на девушку.

– Проспала, что ли?

Та, уже скинув пальто и сапоги, судорожно натягивала халат, не попадая от беспокойства рукой в узкий рукав.

– Ну вот, всегда так! Когда спешешь, никогда ничего путем не получается! – пропыхтела себе под нос, не спеша отвечать.

Наконец, подавив бунт собственной одежды, напялила набекрень белую шапочку, отчего стала похожа на напроказившего поваренка, и повернулась к коллегам.

С пафосом пожаловалась:

– Если бы я проспала, то была бы даже довольна. Но ничего подобного – я шлепнулась в грязную лужу! На глазах у доброй половины поселка! Еще ладно, что недалеко от дома!

Даша сочувственно посмотрела на подругу. Та закатила глаза и с надрывом продолжала:

– Куртка – в грязи! Джинсы – в грязи! В сапогах – вода! Пришлось топтать обратно домой да еще застирывать, чтобы не испортить вещи! А потом галопом бежать на работу, хотя всё равно опаздывала! Так боялась, что кто-нибудь из начальства навстречу попадет, до сих пор руки трясутся.

Она обессиленно рухнула на заскрипевшее от ее тяжести кресло и в изнеможении раскинула по сторонам руки и ноги, напоминая тряпичную куклу огромных размеров.

Женщины переглянулись. С коллегой постоянно случались нелепые катаклизмы местного значения. Это стало уже настолько привычным, что никого не удивляло. Она просто притягивала неприятности любого рода. Хотя, справедливости ради, довольно успешно из них выкарабкивалась. Говорила, что ее ангел-хранитель старается за троих.

Хотя Вера была очень симпатичной девушкой, парни усиленно ее избегали, причем не столько из-за высокого роста, сколько из-за чересчур острого язычка. А ведь ей так же, как и Даше, двадцать пять! По их деревенским понятиям, старая дева-переросток. А она еще ни в кого не была влюблена.

Вера отлежалась и продолжила признания:

– А вообще-то я шлепнулась из-за Петьки Сидорова. – Она привстала и погрозила невидимому противнику крепко сжатым весьма мощным кулаком. – Вот скотина – едет на своем драндулете, а я иду, а он едет. Ну и пришлось прыгать в сторону в последний момент, а там оказался лед под слоем грязи.

Марья Ивановна догадливо посмотрела на красное лицо девушки. Ехидно поинтересовалась:

– Фу, какой гадкий! Ты, чай, по тротуару шла?

Вера, не почувствовав подвоха, наивно призналась:

– Да нет, по дороге.

Марья Ивановна хмыкнула и желчно заметила:

– А ты что, МАЗом себя считаешь, или ЗИЛом? Чего по проезжей-то части шастаешь? Мания величия одолела или под машину попасть мечтаешь?

Вера выпрямилась и резко стукнула каблуками об пол. Возмущенно заявила, прижимая прохладные руки к своим пламенеющим ланитам:

– Да там полно места! Десять машин в ряд проедет, никому не мешая! – Она резко взмахнула руками, будто пытаясь взлететь, и гневно обвинила: – Просто Петька мне мстит! Я ему вчера на дискотеке прозрачно намекнула, что ему надо очень много трудиться, чтобы стать человеком. Вы же помните: «человека из обезьяны сделал труд».

Даша уточнила, тихонько посмеивалась:

– Ты что, подразумевала, что он обезьяна? А почему?

Вера сделал пренебрежительный жест.

– Да он приперся в клуб с серьгой в ухе и волосами, стоявшими дыбом! – Для наглядности она подняла над головой растопыренные во все стороны пальцы. Получилось весьма впечатляюще. – Намазался гелем для укладки волос, что ли. Обезьяна настоящая. Еще бы щеки наумянил! Лахудра из дебрей Амазонки!

Марья Ивановна поперхнулась и закашлялась. Потом сделала круглые глаза и просто-душно поддержала:

– Да, какой же он невежа! И на что ему было обижаться?! Ну, подумаешь, обозвала его дикой обезьяной!

Вера согласно закивала головой, радуясь неожиданной поддержке, но тут Марья Ивановна повернула на сто восемьдесят градусов и перешла к суровому порицанию:

– Осрамила парня при всем честном народе, и хоть бы что! Мелочь какая, по твоему мнению! Да такого свинства парни вовек не прощают, ты об этом не знаешь?

Вера немного замаялась, но решила честно раскрыть карты до конца, всё равно в их поселке любое событие утаить невозможно:

– Ну, это еще не всё. Он такой был потешный, когда приперся на танцы в своей цветастой кофтенке и стоявшими дыбом волосенками, что я не вытерпела и спросила у него: «Вы кто: он, она, оно»? Он жутко разозлился, даже затрясся весь. Если бы я была поменьше, он бы мне непременно вмазал. К тому же мои слова услышала парочка его полоумных друзей. Они потом их весь вечер цитировали, я себя даже давно почившим классиком почувствовала. Петька аж позеленел и заикаться начал. – И она уныло констатировала, покачивая большим пальцем ноги черную лакированную туфлю сорок второго размера: – Вы правы, Марья Ивановна, теперь у меня есть еще один враг до гроба. И без того уж коллекция, в музей бы какой сдать.

Даша и Марья Ивановна с тихим смехом одновременно покачали головами, не в силах осуждать бесшабашную девицу. Отсмеявшись, пожилая женщина задумчиво сказала:

– Да уж, Вера, говорить тебе, чтобы ты придерживала свой колючий язык, абсолютно бесполезно. У тебя ярко выраженное недержание речи. Будешь так над парнями издеваться, тебя никто замуж не возьмет! – И, решительно прервав Верину «а я и не хочу!», взяла ее под руку и повела из сестринской, приговаривая на ходу: – Пошли лучше в процедурный кабинет, там уже очередь скопилась, посмотри-ка на часы.

Они вышли, оставив Дашу в одиночестве разбираться с горой бумажек.

Через десять минут в сестринскую, коварно улыбаясь, бесшумно прокрался Юрий Петров. Осмотрел ее с ног до головы все с тем же нехорошим блеском в глазах. Встал рядом. На сей раз на нем была черная футболка с короткими рукавами, подчеркивающая бугры мышц на руках, и черные джинсы в обтяжку; на ногах черные кроссовки, позволяющие не производить лишнего шума.

Даша подумала, что в таком наряде он представляет из себя еще более великолепное зрелище для женских глаз. Но зачем он преследует ее, далеко не сексуальную диву? Возможно-стей поразвлечься у него, надо полагать, не счесть. Она нервно сглотнула, стараясь не смотреть в его сторону.

Юрий склонился над ней и, с нескрываемым удовольствием созерцая ее обтянутую халатом грудь, томно протянул:

– Ну, просто невинность во плоти! И не подумаешь, что есть ребенок. А может, вы его не рожали естественным путем? Может, его вам аист принес или вы его в капусте нашли?

Она понимала, что он желает ее смутить, чтоб легче было добиться одному ему ведомых целей, и постаралась не доставить ему подобного преимущества, но внутри всё равно что-то мелко задрожало, нагоняя напряжение. Гордо выпрямила спину, вздернула подбородок, и холодно спросила, пытаясь осадить беспардонного нахала:

– Что вам угодно?

Он ухмыльнулся, по-волчьи сверкнув белыми зубами.

– Зачем спрашивать зря, если вы все равно упорно не хотите дать мне то, что я хочу?

Она встала, чтобы не чувствовать себя рядом с ним маленькой и незащищенной. Торопливо подошла к большому деревянному стеллажу, на котором в алфавитном порядке стояли истории болезней. Теперь между ней и назойливым гостем находился громадный письменный стол. Она почувствовала себя в относительной безопасности и уже спокойнее посмотрела на него.

Юрий нахально подмигнул в ответ, сразу поняв ее опасения и оценивающе измеряя разделяющее их пространство. Она понимала, что ему достаточно небольшого прыжка, чтобы очутиться рядом с ней, но надеялась, что этого он не сделает, всё-таки они в лечебном учреждении, а не на стадионе и, тем более, не в дамском будуаре, чтобы он демонстрировал ей свою ловкость.

Он оперся обеими руками о кромку стола и вкрадчиво поинтересовался:

– Убегаете, Дарья Петровна?

Она жестко отрезала, пытаясь прекратить глуповатую пикировку:

– Я на работе! Если вы об этом забыли, то вспомните! И мне не нужны идиотские курортные романчики! Уходите!

Он вытянул в глумливой ухмылке влажно блестящие губы и театрально приложил руку к груди.

– Бог с вами, обворожительная Даша! Разве я сказал что-либо предосудительное? Помните народное наблюдение, – каждый понимает сказанное в меру своей испорченности? Неужели вы так распушены, что каждое мое вполне невинное высказывание трактуете, по меньшей мере, как откровенный призыв лечь со мной в постель? Что с вами такое? Ваш муж не устраивает вас как любовник? Вы страдаете от сексуальной неудовлетворенности? Объясните свое странное поведение, пожалуйста!

У нее расплавленным золотом вспыхнули глаза. Опять он вывернул ее слова наизнанку!

– Я не собираюсь вам ничего объяснять! И выйдите отсюда!

Он резонно возразил, загоняя ее в угол:

– И не подумаю! Находиться здесь я имею такое же право, как и любой из отдыхающих. Знаете, сколько стоит моя путевка?

Она промолчала. Естественно, она знала, сколько стоят путевки в их корпус, а особенно люкс, который занимал этот тип, считающий, что ему все дозволено.

Он многозначительно продолжил, чуть наклонившись вперед и понизив голос:

– Но, если вы украсите собой мои одинокие ночи, получите еще больше! По рукам?

У Даши отчаянно зачесались ладони. Но не для того, чтобы скрепить предложенную им сделку дружеским рукопожатием, а чтобы дать ему оглушительную затрепину. Она представила, как у него звонко клацает челюсть и округлившись глазенки лезут на лоб, и коварно усмехнулась. Пусть не думает, что, если она принадлежит к так называемому слабому полу, то у нее не хватит сил, чтобы с ним справиться. Она девушка деревенская, привычная к тяжелому крестьянскому труду и рука у нее гораздо увесистее, чем он предполагает!

Стремительно обогнула стол, подошла к нему вплотную, схватила за ворот футболки и резким движением выкинула за дверь.

Он не ожидал от нее ни подобной силы, ни дерзости. От неожиданности пролетел через весь коридор и довольно сильно ударился о противоположную стену, распластавшись по ней, как лягушка. Немолодая дама, неспешно шествующая мимо, нервно отскочила, с недоумением на него покосилась и вошла в сестринскую, с опаской оглядываясь на странного типа.

Юрий изумленно чертыхнулся, тупо глядя на открытую дверь. Неподвижно постоял пару минут, не в состоянии прийти в себя. Потом аккуратно поправил задравшуюся футболку и нехотя побрел к себе, потирая ладонью шею, на которой краснел рубец от натянувшегося ворота футболки.

Он не мог понять, что же делает не так. Толик, его однокашник, побывавший в этом же корпусе пару месяцев назад, так расхваливал постельные достоинства этой самой Дарьи Архиповой, что Юрий решил во что бы то ни стало проверить их на своем личном опыте. Что он там о Даше говорил? Поднапрягся и вспомнил:

– В постели она дивно хороша! Сплошной огонь! Итальянский темперамент! Для холодной русской женщины просто клад! Ну, пришлось заплатить, естественно. Но это как бы и не плата вовсе, а подарок. Сколько там у них медсестры получают – слезы, а не деньги. Договориться, конечно, не просто. У них с этим делом очень опасно, если застукают, – сразу с работы выгонят. Но, если осторожно, то можно.

После этой восторженной характеристики Юрий и купил путевку именно сюда, в надежде встретить эту самую Дашу. И встретил, и она ему вполне понравилась: было в ней что-то очень нежное, даже щемящее, этакий почти забытый тип тургеневской девушки, немного печальной и мечтательной, но вместе с тем благодаря нашему рациональному времени сдержанной и неподатливой. Хотя, возможно, она просто цену себе набивает, боится продешевить? Надо было в свое время у Толика спросить, сколько он ей дал. По телефону такие вещи спрашивать неудобно: вдруг у него жена будет рядом, услышит, еще заподозрит чего-нибудь.

Юрий недоуменно вздохнул. И всё этим бабам не так! Уж не воображали бы о себе черт-те что. А то всегда так – сначала «нет», которое, как позже выясняется, надо было трактовать как «да», потому что, они, видите ли, стесняются сдаваться сразу, чью-то там честь берегут. А потом, когда приходит время расставаться, начинаются скандалы типа «я думала, а ты оказался»! Хотя с самого начала об обручальных кольцах и речи не шло, если только в их воспаленном мозгу.

Вошел в номер, состоявший из небольшой спальни и гостиной. В принципе, номер оправдывал затраченные деньги: кондиционер, евроремонт, хорошая мебель. Не хуже, чем в заграничных пятизвездочных отелях, которых он повидал за свои тридцать лет изрядное количество. Шлепнулся на кровать с ортопедическим матрасом, едва сбросив кроссовки и не соизволив откинуть тяжелое жаккардовое покрывало. Низ живота сладко ныл, переходя в болезненную напряженность.

И когда Дарья перестанет изображать из себя святошу? Из отпуска треть уже прошла! Он обхватил руками подушку, поерзал, утраиваясь поудобнее, и задремал, успев подумать напоследок, что это первое в его жизни испытание терпения, коим он никогда не отличался. Проснулся через пару часов с головной болью, вздрюченный и голодный. А всё потому, что ночные бдения выбили его из нормального жизненного ритма. Но отступить он не собирался. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Через пару дней Даша шла на очередное ночное дежурство с тяжестью на сердце. За прошедшие дни назойливый поклонник не только ей надоел, но и здорово напугал своими бесконечными намеками и откровенными предложениями. Такого напора она и предположить не могла. И ради чего столько впустую потраченной энергии? Чтобы затащить ее в постель? Она была уверена, что овчинка выделки не стоит. Не тянет она на искушенную в любовных играх гетеру. И, если она сделает огромную глупость и уступит, то он будет здорово разочарован. Но на это она никогда не пойдет. Как потом она будет смотреть в глаза мужу и, главное, уважать себя?

Хотя сопротивляться ему было всё труднее, под конец смены она просто изнемогала от его непрерывного присутствия. Избавиться от него было очень трудно. Он напоминал ей острый рыболовный крючок, от которого чем больше пытается освободиться бывшая в конвульсиях попавшая на него рыбка, тем сильнее тот впивается в ее бедное тело.

Ноги заплетались, как будто она шла на каторгу с ножными кандалами. Остановилась, посмотрела на холодную равнодушную луну, одиноко висевшую в черном небе. Мимо спешили на работу коллеги из других корпусов, здоровались и удивленно оглядывались, не понимая,

отчего она так медлит. Ей тоже надо было поторапливаться, время поджимало, но сердце так тяжело стучало в груди, что она не могла идти быстро. Успокаивая себя вполне разумными доводами: бояться ей нечего, в крайнем случае можно спрятаться в комнате отдыха, там постоянно находится кто-то из охранников, – двинулась дальше в такт гулко бившемуся сердцу. Но нерациональный страх всё равно зарождался где-то на подсознательном уровне, как у дикого зверя, попавшего в капкан.

Она зашла в корпус ровно в восемь. Марья Ивановна, стоявшая в вестибюле уже в верхней одежде, обеспокоенно повернулась к ней.

– Что ты такая бледная, Даша? Что-то случилось?

Та провела рукой по лбу и хрипловато ответила:

– Всё в порядке, просто устала.

Марья Ивановна, недоверчиво поглядывая на нее, взяла сумку и пошла в выходу, приговаривая на ходу:

– Ну, на службе тоже всё хорошо, никаких ЧП, бумаги на столе, но их немного, Вера сегодня расстаралась, почти всё сделала.

Даша рассеянно покивала головой, едва вслушиваясь в журчание ее приветливого голоса. Хлопнула дверь, но она не обратила на это внимания, всё так же потеряно застыв посреди вестибюля. Встряхнулась от раздавшегося в пустом помещении гулкого «Здрассте»! Потупив взгляд, поежилась от неприятных ощущений, тихо поздоровалась и проскользнула мимо стоявших на дороге охранников в сестринскую.

Сегодня ее дежурство опять совпало со сменой Игоря и Алексея. После откровенного признания Алексея им работать вместе не доводилось. Дежурства одних и тех же медсестер и охранников, как правило, редко сходились. Их часто тусовали, как колоду карт, для того, чтобы не заводили шашни друг с другом во время дежурства. Она уныло подумала – лучше бы их дальновидное руководство направило свои силы на другие, более насущные проблемы, а именно на отваживание настырных охальников. Инструкцию бы выпустило с советами типа «как избежать ненужных вам ухаживаний, не обижая кавалера».

До полуночи она хлопотала, выискивая себе работу, стараясь отвлечься и не нервничать зря. Не стоит умирать раньше времени! Может, он еще и не придет? Подумав это, некрасиво сморщила носик и сама себе ответила: чтобы пиявка сама отцепилась от своей добычи, не насытившись? Да когда же такое было? Вспомнив бугры мышц под кожей Юрия, признала, что сравнение не совсем верное. Скорее, бульдог.

В двенадцать ночи попила чаю с охранниками, стараясь не показаться им слишком обеспокоенной. Ее старательно растягиваемые в принужденной улыбке губы притягивали к себе внимание Алексея, взглядывавшего на них с потаенной искрой в глазах, но Даша этого не замечала, нервничая всё больше.

В час, боязливо озираясь, вернулась в сестринскую. Включила свет, боясь увидеть назойливого поклонника сидящем на своем излюбленном месте, на стуле около ее кресла. Но в комнате было пусто, и она перевела дух. Но тут же панически подумала: а не закрыться ли ей на швабру? Даже принесла из кладовой швабру, но ничего не вышло – та не желала входить в узкую дверную ручку. Бросила бесполезную возню, вернула швабру на место, проветрила кабинет, завернулась в пуховую шаль и устроилась с ногами в излюбленном кресле, настороженно прислушиваясь к любому шороху. Прошел час, другой, ничего не происходило.

Она понемногу успокоилась, решив, что Юрий или уснул, или нашел другой, более сговорчивый, объект. Несколько расслабившись, начала читать продолжение о незаурядных дедуктивных способностях мисс Марпл, периодически вскидывая голову и испуганно озираясь. Никого не было и она увлеклась, забыв о возможных неприятностях. Но внезапно вздрогнула, как от толчка, и оторвала взгляд от книги.

Перед ней, широко расставив длинные ноги, стоял Юрий, во весь рот улыбаясь одной из своих отрепетированных улыбочек. Она бросила быстрый взгляд на дверь. Та была плотно прикрыта. Она даже не удивилась. Разочаровано вздохнула.

– Как избавиться от вас? Раздавить?

Он усмехнулся одними глазами.

– Попробуйте! Думаю, это будет интересное зрелище! Хотя вы гораздо сильнее, чем кажетесь. Чем это вы так увлеклись, что даже не заметили моего прихода?

Он взял стул и сел напротив, закинув ногу на ногу, всем своим видом показывая, что чувствует себя здесь как дома.

У Даши напряглись плечи и тяжело застучало сердце. Она вжалась в кресло еще глубже и постаралась восстановить присутствие духа. Ничего нового не происходит: всё повторяется по накатанному сценарию.

От него снова пахло коньяком, хотя пьяным он не был. Ей захотелось его уколоть, чтобы хоть немного отомстить за свою беспокойную, благодаря ему, жизнь.

– Вы не боитесь спиться и замерзнуть в сточной канаве?

Он брезгливо поморщился:

– Фу, какие ужасы! Прямо как в романах Чарльза Диккенса!

Даша невольно заинтересовалась:

– Неужели вы читали Диккенса?

Заметя в ее глазах огонек невольного уважения, он огорченно протянул, не рискуя ее обманывать:

– Нет, романов не читал. Мы его творчество в универе проходили. Мимо, естественно!

Огонек в ее глазах погас, доставив ему непонятное огорчение. Она отвернулась и разочаровано протянула:

– А я наивно решила, что с вами хоть о книгах поговорить можно, а вы такой же невежда, как остальные.

Он разозлился и цинично уточнил:

– А с остальными вы что, разговоры разговариваете? Или занимаетесь чем-нибудь более конкретным, с тактильными ощущениями?

Она с отвращением посмотрела на его красивое лицо. Есть же такие мужчины – всё сводят к животной похоти и своим самым низменным инстинктам.

Заметив, гримасу отвращения на ее выразительном лице, Юрий почувствовал неприятный укол в сердце.

– Вы что, действительно так плохо обо мне думаете, как мне показалось?

Даша хмуро буркнула, не считая нужным скрывать свою неприязнь:

– Гораздо хуже, чем вам показалось! А с чего это мне думать о вас хорошо? Что вы для этого сделали? Хамили, оскорбляли, унижали, а теперь вдруг возжелали, чтобы я по-доброму к вам относилась?

Он призадумался. Ее правда: он вел себя с ней недопустимо. Ни с одной из своих многочисленных знакомых он ничего подобного себе не позволял. А тут... с чего бы это? И вдруг озарила догадка: это просто ревность! Как только он ее увидел, ревность не давала ему житья: все те мужчины, побывавшие в ее постели, будто корчили ему мерзкие рожи.

Но разве она виновата в его подозрениях? Его-то она ни в коей мере соблазнить не пыталась. Его плотным покрывалом окутал душливый стыд и он почувствовал, как на щеках появились горячие пятна. Он вспомнил, что подобного неприятного чувства не испытывал давным-давно, возможно, со школьной скамьи.

Скованно предложил, не зная, как исправить ситуацию:

– Ладно! Убедили! Я прошу прощения за свои грубые слова! Давайте начнем всё сначала! – он протянул для примирения раскрытую ладонь, но Даша и не подумала протянуть в ответ свою.

– С чего это вы вдруг сменили тактику? Решили взять небрежной лаской? И что вы имели в виду – начать все сначала? Память потерять или заново родиться?

Она болезненно поежилась, вспомня свою первую ночь с Валерием. Да, было бы неплохо начать всё заново и не делать больше подобных глупостей.

– Вам что, холодно? – он приподнялся, намереваясь сесть с ней рядом в кресле, чтобы предложить собственное тело в качестве грелки.

Испуганно встрепенувшись, Даша пресекла его нагловатые попытки.

– Нет, просто неприятно находиться рядом с вами. Почему бы вам ни пойти к себе в номер? Уже поздно.

Он откинулся на спинку стула и отрицательно качнул подбородком. Капризно протянул:

– Не хочу. Там одному скучно.

Она кисло заметила:

– Развлечения для скучающих отпускников из меня не получится. Зря надеетесь. Лучше телевизор включите. Он гораздо интереснее. И информативнее.

Юрий протянул руку, утешающе погладил ее по порозовевшей щеке и заметил, сверкнув серыми глазами:

– Ну почему же! Вы уже скрасили беспросветные дни моего здесь пребывания! Если бы не вы, я сбежал бы отсюда через день!

Он хотел повторить, что, если бы она украсила собой не только дни, но и ночи, то отдых стал бы для него намного приятнее, а для нее намного выгоднее. Но, встретя ее суровый, в упор глядящий на него взор, запнулся и промолчал, удивившись самому себе.

Она оттолкнула его руку и невольно зевнула, прикрыв рот ладошкой.

Юрий округлил глаза и мягко прокомментировал:

– Ну и ну! Еще никто в моем присутствии не зевал! Из женщин, во всяком случае!

Даша, помотав головой, чтобы прогнать сон, философски его успокоила:

– Ну, всё когда-нибудь бывает впервые! Думаю, из женщин еще ни одна не выкидывала вас за дверь, а ведь на днях и это с вами произошло! Читайте, что вы познаете мир, расширяете свой кругозор!

Юрий внимательнее посмотрел на нее, как будто увидел впервые. Что ж, общение с этой малышкой оказалось гораздо занимательнее, чем он ожидал, хотя и не в том плане, на который он рассчитывал. Прищурившись, с досадой воззрился на ее безукоризненный белоснежный халат. Этот медицинский наряд, скрывавший волосы и фигуру и делавшей ее похожей на бесполоую рыбу, давно ему надоел. Снова задался вопросом: какие же у нее волосы? Может, похожи на жалкие крысиные хвостики? Чтобы не гадать, протянул руку и неожиданно сдернул у нее с головы плотно натянутую белую шапочку. Густые пепельные волосы волной рассыпались по плечам.

Он изумленно выдохнул:

– Какие роскошные волосы! Зачем вы их прячете?

Даша раздраженно выдернула у него из рук шапочку и снова натянула на голову, аккуратно заправив волосы.

Он разочарованно вздохнул:

– Да, какая красота исчезла! А какой краской вы волосы красите?

Ни разу в жизни не подвергавшая волосы сомнительным процедурам, Даша обиженно огрызнулась:

– Этого вам всё равно не понять!

Он снисходительно пожал плечами:

– Не хотите говорить – не надо! Только не заявляйте, что цвет натуральный! В природе такого сочетания: пепельные волосы и золотистые глаза – не бывает!

Она с досадой взглянула на него. Как же ей надоели его гадливая ухмылочка, его слишком сильное тело и весь он, такой благополучный и самодостаточный! Как от него избавиться? Охранников позвать, что ли? Перевела обеспокоенный взгляд на дверь.

Как будто услышав ее тайный призыв о помощи, она растворилась, и в проеме нарисовался Алексей.

– Даша, чай пить идешь?

Она посмотрела на часы и присвистнула от изумления. Большая стрелка отходила от четырех. Уже пятый час! Перевела взгляд на Юрия и заметила, как на скулах у него заходили желваки. Язвительно сообщила хмурому собеседнику:

– Да уж, с вами дежурство проходит незаметно. Думаю, это ваше главное достоинство. Однако ни за что не стала бы тратить на вас личное время!

Юрий наклонился к ней, положил руку на ее колено и хотел что-то ответить, но тут, поигрывая хорошо развитой мускулатурой, к нему вплотную подошел Алексей, и, мрачно сверкая глазами, с холодным бешенством спросил:

– Вам никто не говорил, господин хороший, что, в соответствии с режимом, отбой для отдыхающих в одиннадцать часов?

Юрий помрачнел, несколько не испугавшись этой наглядной демонстрации силы, но не считая себя вправе впутываться в сомнительные разборки, которые – он это хорошо понимал – ничего доброго Даше не принесут. Но уйти просто так не позволяла гордость и он язвительно осведомился у смотрящей на них с затаенным испугом собеседницы:

– Еще один защитник? А как же ваш бедный, нежно любящий муж? – и, не дожидаясь ответа, повернулся и вышел из комнаты, с презрением взглянув на стоящего по дороге охранника.

Алексей сжал кулаки и потемнел. Сделал невольное движение, будто хотел броситься вслед наглецу, но Даша вскочила и, подбежав к нему, просительно положила руку на его локоть:

– Не обращай внимания! Ты же знаешь, какими бесцеремонными бывают эти нувориши! Не в первый ведь раз, пора уж привыкнуть!

Он отказался от своего намерения, ободряюще похлопал ее по руке и озабоченно спросил, любясь ее нежным лицом:

– Этот тип тебя не обижал?

Она отвернулась, чтобы он не увидел обиды в ее глазах. Врать не хотелось. Правду говорить нельзя. Постаралась выбрать нечто третье:

– Какое это имеет значение? Он через неделю уедет, и мы его больше никогда не увидим... – запнувшись, неуверенно уточнила, – надеюсь.

Алексей раздраженно повел накаченными плечами, догадавшись о том, что было не сказано. Ему очень хотелось врезать как следует этому городскому фату. Жаль, что нельзя. А если встретить его в городе, будто случайно? Домашний адрес и место работы записаны в карте, узнать не проблема. От этой коварной мысли он приободрился и зловеще оскалился.

Даша взглянула в его агрессивное лицо с горящими от предвкушения доброй драки глазами, и тихо попросила:

– Брось ты эти глупости! Хуже будет только тебе! Пойдем лучше пить чай!

Она прихватила с собой кусок испеченного днем капустного пирога и, взяв его за руку, как маленького ребенка, повела в комнату отдыха, где их дожидался хмурый и невыспавшийся Игорь, ведь охранники всю ночь добросовестно обходили дозором здание, свято выполняя инструкцию.

Утомительные предутренние часы не располагали к дружеской болтовне, и даже Алексей, строивший планы мести, был менее внимателен к Даше, чем обычно. Коллеги молча перекусили и разошлись.

В восемь часов Даша сдала смену и торопливо ушла домой, нервно оглядываясь по дороге. Если Юрий, уже не единожды доказавший свое беспримерное нахальство, увяжется за ней следом, то что она сможет сделать? Улицы всегда пустынные, к тому же за помощью она обращаться не посмеет, зачем ей лишние разговоры? Поэтому она, как уходящий от слезки подпольщик, заскочила сначала в гастроном, потом в аптеку, тщательно проверяя, нет ли за ней хвоста.

Даже уснуть сразу не смогла – всё прислушивалась, не раздастся ли где тихий шорох. Свекровь, к счастью, в этот день не появилась, и Даша смогла выспаться, правда, проснувшись, смутно припомнила сон, в котором присутствовал всё тот же нахальный тип. Посетовав, что никуда от него не деться, занялась будничными делами.

Вечером, когда насытившийся Валерий ушел к трепетно любимому им телевизору, она убрала на кухне, присела за чистый обеденный стол и задумалась. Что ей делать? До конца путевки Петрова осталась еще целая неделя дней. Встретаться с ним не было никаких сил. К его отъезду она превратится в дерганую неврастеничку.

Даша с сожалением подумала об отгулах, которые копила к покосу. Что ж, делать нечего, придется использовать их, хоть и не хочется. Съездит на недельку с дочкой к матери, проведает, как там братья.

Взяла с холодильника маленький календарик и посчитала. Чтобы совсем не встречаться с Юрием, отгулов не хватит. Придется отработать еще несколько смен. Зато потом – ищи ветра в поле! Что-то ей подсказывало, что в последние дни он предпримет решительный штурм. Она злорадно улыбнулась, представив себе его раздосадованную физиономию. Что ж, Петров Юрий Николаевич, будет вам приятный сюрприз, или, вернее, его полное отсутствие!

На следующий день написала заявление на отгулы, обосновывая его болезнью матери. Та и в самом деле прихворнула, но в ее помощи не нуждалась, отчим вполне мог заменить ее на пару дней. Заведующий корпусом хотя и поворчал для порядка, но просьбу не отверг.

Даша боялась возражений Валерия, но он, к ее удивлению, противоречить не стал.

– Хочешь ехать – езжай, но не думай, что я тебя привозить – отвозить буду. Не барыня, на рейсовом автобусе доберешься.

Поскольку Даша и не мечтала, чтобы муженек вдруг отвез ее с дочкой на машине, то его небрежные слова восприняла как милостивое разрешение.

Зато разошлась свекровка. Узнав, что невестка на следующей неделе ни с того, ни с сего вздумала уехать, вопила до хрипоты:

– Разве хорошие жены оставляют мужей одних?! Да еще таких красавцев! За ними глаз да глаз нужен! Да и кто готовить будет?! Белье стирать?! Валерий же работает! Устает! Его хорошо кормить нужно! Я укальваю до поздней ночи, мне разносолы разгатавливать некогда! И не надейся, что я после работы еще и в твоём доме горбатиться буду!

Привычно выслушивая упреки, Даша утомленно подумала, что звание хорошей жены ей из рук свекрови всё равно никогда не получить, нечего и стараться. К тому же свекровкины заработки только предлог, чтобы ничего не делать по дому. Равнодушие Нины Андреевны к собственному домашнему очагу поражало. В ее доме всегда был образцово-показательный бардак, за который она корила невестку – почему не приходит и не убирает!

Свекор, сидевший рядом, ехидно успокоил сноху:

– Ты езжай, езжай! А муж пусть на блядки идет! Ему давно пора! У каждого мужика две бабы должно быть, одна для порядку в доме, стирать да убирать, а другая для постельного удовольствия. Вон на востоке не зря гаремы-то выдуманы.

Валерий как-то странно посмотрел на отца, но промолчал.

Зато мать, получив такую чудную возможность высказаться, не смолчала. Начала орать, не стесняясь в выражениях, и продолжала заниматься любимым занятием до ухода домой. Сергей Петрович звонко поцокивал языком на особо смачные выражения женушки, покачивая головой то ли одобрительно, то ли осуждающе, но умненько помалкивал, как и все остальные.

Даше всегда казалось, что свекор специально заводит жену, чтобы насладиться ее неистовым итальянским темпераментом. После ее брани он всегда выглядел так, будто побывал на хорошем спектакле, только что «браво» не кричал.

Две дневные смены прошли более-менее благополучно. Даша все силы прикладывала, чтобы не оставаться в комнате одной, и Юрий, регулярно навещающийся с проверкой, только понимающе подмигивал ей и уходил с пустыми руками.

Но вот перед поездкой к матери осталась последняя ночная смена.

Старательно обходя подмерзающие лужи, Даша печально призадумалась о своей несчастливой жизни. Когда она чувствовала себя любимой и защищенной? Наверное, тогда, когда еще был жив папа. Она помнила сильные руки, легко подкидывающие ее в самому потолок, колючую щетину на твердом отцовском подбородке, и ласковые слова «милое мое солнышко». Когда ей исполнилось десять лет, отец погиб. Глупо, на рыбалке. Перевернулась лодка, его ударило бортом по голове, и всё. Не помогло и то, что он был отличным пловцом.

Мать была красивой женщиной, крепкой, статной, одной рукой легко поднимающей пятнадцатилитровое ведро, и через год снова вышла замуж, родила мальчишек и на старшую дочь обращала внимание только тогда, когда от нее что-то было нужно.

Не с той ли поры в ней так сильна потребность в любви и защищенности? Если бы Юрий не сразу озвучил свои постельные притязания, а для вида поухаживал бы за ней немного, ее бедное сердце, истосковавшееся без любви и опоры, вполне могло ошибиться еще раз. Ей повезло, что он так безапелляционно раскрыл карты, дав ей возможность сказать решительное «нет».

Войдя в здание, отряхнула с ботинок налипшую на них грязноватую снежную кашицу и поздоровалась с охраной. Сегодня дежурили Василий Егорович с Ваней. Они не то чтобы не нравились Даше, а были просто неинтересны. Василию Егоровичу было уже за пятьдесят, он отрастил солидное брюшко и работать охранником мог только там, где ничего не случилось. Ваня прошлой осенью демобилизовался из армии и все разговоры у него были про то, кто какую машину купил, и кто кого трахнул. Не в смысле автомобильной аварии, а в смысле удовольствия.

Проверив здание вместо охранников, вместо работы упорно играющих в комнате отдыха в подкидного дурака, в двенадцатом часу привычно устроилась в кресле и начала опасливо поглядывать на дверь. Но прошел час, потом еще, и еще, но ничего не произошло. Юрия не было. Не придет? Она расслабилась, опустила голову на спинку кресла, и устало прикрыла глаза. К своему удивлению, вместо облегчения почувствовала разочарование, накрывшее ее зябкой холодной волной.

Да что это с ней? С каких это пор она превратилась в любительницу острых ощущений?

Ноги затекли. Она встала, потянулась до хруста в суставах и сделала быструю энергичную разминку. Внезапно за спиной раздался тонкий писклявый звук зуммера. Она сжала кулаки, боясь повернуться и посмотреть на стенд. Административная проверка или очередная шуточка с дальним прицелом настойчивого ухажера?

Она медленно повернулась и увидела мигающую лампочку с номером 307. Все ясно!

Даша сжала кулаки, стараясь дышать глубоко и ровно и не поддаваться нарастающему в душе гневу, смешанному с острым чувством сожаления. О чем жалела, не понимала и сама. Быстро вышла в вестибюль, где за столом охраны сладко посапывал уткнувшийся в сложенные руки нос Василий Егорович. Она бесцеремонно потрясла его за плечо.

– Вызов! Идемте!

Охранник поднял тяжелую голову, нашарил ее опухшими глазками и возмутился, обдав запахом свежего пива, хотя пить на работе запрещалось категорически.

– Сходи одна! Никто тебя здесь не съест!

Она невежливо обозвала его про себя ленивой жирной скотиной и настойчиво сказала:

– Василий Егорович! Соблюдайте правила! Вы прекрасно знаете, что на ночные вызовы медсестры ходят только в сопровождении охранника!

Мужчина недовольно закричал. Вылезать из насиженного гнезда ему совершенно не хотелось, и он упрямылся, как глуповатый мальчуган:

– Да что ты ко мне привязалась? Кому ты нужна? Тоже мне, королева английская, эскорт ей подавай! Ну, понадобился какой-то бабке валидол, ну я-то тебе для этого зачем? Пару таблеток не донесешь? Одна сходишь!

Она вкрадчиво пояснила, стараясь не кривиться от брезгливости:

– Конечно, Василий Егорович! Я и одна могу сходить. Но, если это очередная проверка, то не жалуйтесь, если вас потом с работы выгонят! Я вас предупредила и покрывать перед начальством не буду!

Даша развернулась и демонстративно зашагала к лифту, всей своей фигурой выражая негодование. Охранник от нешуточной угрозы мгновенно проснулся, и, невнятно ругаясь под нос, двинулся следом. Краем глаза она отметила на его щеке краснеющее пятно от жесткого рукава униформы. Отлежал, голубчик! Она была незлым человеком, но в этот момент в ее мозгу мстительно полыхнуло: жаль, что это не проверка, ох и досталось бы тогда этому старому лентяю! В ледяном молчании дошли до нужной двери.

С удовольствием представляя разочарованную физиономию Юрия, негромко постучала в дверь. Та тотчас распахнулась. Он стоял на пороге в толстом махровом халате, надетом, как предположила девушка, прямо на голое тело. Так сказать, для быстроты обнажения. Правильно, чего время зря терять?

– Что так... – он осекся, увидев внушительную фигуру охранника за ее плечами.

Она спросила официальным, но вполне корректным тоном:

– У вас что-то случилось?

Он посмотрел ей в глаза яростным и страстным взором. Даше этот взгляд показался наигранным и фальшивым, но все равно глупое сердце предательски дрогнуло. Он нарочито виновато ответил, разведя руками и играя на доверчивую публику в лице откровенно зевающего охранника:

– Да ничего не случилось. Просто случайно задел какую-то кнопку, сразу и не заметил. Уж извините! А если хотите, присоединяйтесь! – он сделал приглашающий жест в сторону одной из комнат, где виднелся богато накрытый стол.

Даша поняла, что пиршество готовилось для нее. А потом бы наступило время десерта. И кому предназначалась сия сладкая роль, ясно было без слов.

Порозовев от возмущения, растянула губы в такой же неискренней улыбке, холодной и официальной, от которой у Юрия еще сильнее побежала в жилах кровь от возникшего чувства безнадежности.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз! – по ее тону чувствовалось, что это произойдет не раньше, чем на горе рак свиснет. – Спокойной ночи!

У Юрия возникло неистовое желание схватить строптивицу за рукав и рывком затащить в номер, но стоявший за ее плечами недовольный мужик подействовал на его возбужденные нервы как порция холодной воды. Он скривился и саркастично пробормотал, разочарованно сверля ее взглядом:

– Спокойной, спокойной! – и тихо притворил дверь, хотя Даша кожей чувствовала его едва прикрытое бешенство и дикое желание хлобыстнуть дверями так, чтобы все соседи попадали со своих коек.

На обратном пути невыспавшийся Василий Егорович, успокоенный отсутствием страшного начальства, не зная, как еще выместить на вредящей медсестре свою досаду, ехидно бурчал:

– Ну, и сходила бы сама на вызов, чтобы там с тобой случилось? Не убыло бы, чай!

Она насмешливо покивала головой, язвительно подумав про себя: – «Не убыло бы, это точно, только бы прибыло! Этот дядя Вася полная тупица, если не понимает, что мужики типа Петрова «случайно» на кнопку вызова посреди ночи не нажимают!»

Ничего не сказав Ване, стоявшем посредине вестибюля с упертыми в бока кулаками и с интересом гадающим, куда это они вдвоем подевались, ушла к себе, и снова устроилась в кресле, стараясь не заснуть.

Под утро она, наверное, всё-таки задремала, поскольку ночью не пила ни крепкого чая, ни черного кофе: не хотелось лишний раз находиться в неприятной компании, а перекусить разрешалось лишь в комнате отдыха, плотно оккупированной охранниками. Ей снился странный, но удивительно приятный сон. Будто кто-то обнимает ее, целует и говорит: «солнышко мое»! Она вспомнила детство, крепкие руки отца, встрепенулась, закричала: «папа»! и бросилась ему на грудь.

Он немедленно обнял ее сильнее, совсем не по-отцовски, в ее груди разлилась непонятная тревога, и она в испуге открыла глаза. В объятиях ее держал Юрий, с удовлетворением глядя на нее горящими глазами. Она полулежала на его груди, слыша быстрые удары его сердца. Как он умудрился втиснуться в кресло рядом с ней, не разбудив, было неразрешимой загадкой.

Даша замерла, не веря в реальность происходящего. Может быть, это сон? Размякшее тело охотно согласилось с этим предположением и глаза сами собой закрылись, давая ему повод думать, что она довольна его появлением.

– Как приятно тебя целовать! Просто бездна удовольствия! – он снова мягко поймал ее губы своими, не давая увернуться.

Даша хотела, в самом деле хотела решительно его оттолкнуть, но в голове шумело, а в груди рождался смутный порыв ответить на его нескромные ласки. Замерев от запретных чувств, она в ужасе распахнула глаза, не в силах справиться с собой. Почувствовала, как в бок уперлось нечто твердое, поняла, что, и покраснела от смущения.

Юрий уже тяжело, прерывисто дышал, сдерживаясь из последних сил, и вдруг задрожал мелкой злой дрожью. Уткнувшись носом в ее лоб, жалко прохрипел:

– Что ты со мной делаешь!? Пойдем ко мне, умоляю! Пойдем, пожалуйста!

Он попытался поднять ее с кресла, но она сама встала и пошла по коридору, чуть покачиваясь от напряжения. Не веря своему счастью, Юрий быстро пошел за ней. Подойдя к вестибюлю, она повернулась к нему и беззвучно прошептала:

– Извините, но мне этого не надо! – и, прежде чем он успел что-либо сообразить и остановить ее, заскочила в комнату отдыха.

Юрий хотел броситься за ней, но услышал хриплые от сна голоса охранников и побежал по лестнице, прыгая сразу через несколько ступенек, изрыгая проклятия, как огнедышащий дракон.

Даша вошла в комнату, не обращая внимания на недовольные взгляды Василия Егоровича и удивленные Вани. Поставила чайник, стараясь сдержать дрожь в руках и избавиться от томительного чувства в груди. Медлительно выпив сначала одну, потом другую чашку чая, понемногу успокоилась. Для безопасности просидела в комнате отдыха до начала ухода на процедуры самых ранних пациентов, игнорируя намеки охранников, и только в семь часов перебралась к себе в сестринскую. Приготовив всё к приходу старшей медицинской сестры, попрощалась с пришедшими на смену коллегами и отправилась домой.

Валерий уже ушел на работу, даже не соизволив закрыть дверь на ключ. Наверняка опаздывал, не услышав звонок будильника.

Даша прошла в детскую. Дочка еще спала, раскинув в стороны ручки и ножки. Поправив одеялко, на цыпочках ушла на кухню. Стоявшая на столе грязная посуда и разбросанная по табуреткам одежда составляли привычную картину. Сноровисто прибравшись, разбудила Машу, собрала немудреные вещички и приготовленные родным подарки.

К автобусу они подошли всего за пять минут до его отхода. Даша села у окна и усадила дочку на колени, чтобы ей было удобнее смотреть по сторонам. Проезжая мимо санатория, с внезапным трепетом поняла, что никогда больше не увидит Юрия, и ощутила непонятное сожаление. Нет сомнений, это глупое чувство возникло исключительно из-за сложных отношений с мужем. Но это пройдет. Просто за эти дни она почувствовала себя желанной женщиной, чего с ней не бывало никогда в жизни. И, что греха таить, это ей понравилось, ведь она не святая, а простая женщина, желающая любить и быть любимой.

Мать встретила их у порога, без остановки болтая о родне и деревенских новостях. Даше показалось, что она стала гораздо мягче, чем раньше. Во всяком случае, она была им искренне рада. Отчим вместо приветствия по обыкновению что-то пробурчал себе под нос, и тотчас про них забыл, отправившись с мальчишками ремонтировать прохудившуюся крышу курятника.

Работы, как обычно, было невпроворот. Неделя пролетела незаметно. Даша помогала матери по хозяйству, доила коров, которых в хозяйстве было уже три, кормила вместе с дочкой кур и поросят.

Домой вернулись в начале апреля, как раз в день отъезда Юрия. Подъезжая к поселку, Даша испуганно озиралась, боясь случайно встретить его на дороге. Им никто не встретился, но вместо облегчения сердце сковал такой мороз, что она приуныла и поняла, насколько же ей не хочется возвращаться в мужнин дом.

На остановке их никто не встречал, хотя она предупредила мужа о приезде. Понятно – не барыня, сама доволочет тяжеленные сумки с продуктами. Когда она наконец добрела до собственной калитки, от тяжести ломило руки. Валерий был дома. Оторвавшись на секунду от телевизора, буркнул:

– А, это вы? Приперлись наконец. – И снова уставился в экран, где шел какой-то зубодробительный триллер.

Дашу покоробил такой «радушный» прием, но она прикусила рвавшийся с языка укор, спокойно раздела дочку, отправила ее играть и занялась уборкой в захламленном доме, как будто никуда и не уезжала.

На следующий день на работу шла с опаской. А вдруг этому беспринципному типу взбрело в голову остаться еще на несколько дней? А что, выяснить, когда она должна выйти, не проблема, и путевку продлить пара пустяков, корпус-то полупустой.

От этой мысли перехватило дыхание, и в груди возникло странное чувство, похожее на надежду. Придя в кабинет, первым делом просмотрела списки отдыхающих. Фамилия «Петров» была жирно вычеркнута. Она вздохнула, надеясь со временем забыть томительное чувство, смущающее ее каждый раз, когда она думала о нем.

Глава третья

Вечерело. Даша расслаблено стояла у реки, опираясь на решетку парапета, и любовалась закатом. Багряное солнце окрасило реку в темно-розовый цвет и струи воды казались кровавыми. Эффектно, но жутковато. Вокруг пламенели рябины, тусклым золотом переливались осины и приглушенным багрянцем вспыхивали клены. И закатные лучи солнышка мягко освещали это благолепие. Октябрь в этом году был особенно красив.

С трудом оторвавшись от захватывающего зрелища, быстро пошла домой. Опять свекровка будет недовольна поздно поданным ужином. Но в последнее время ее почти не задевали обидные высказывания мужа или свекрови. Может быть, потому, что она однажды, хоть и не всерьез, но почувствовала себя желанной и пусть чуть-чуть, но любимой.

Во всяком случае, весенний инцидент внушил ей уважение к себе как к женщине, которой можно интересоваться и отчаянно желать. Если ее так упорно добивался такой интересный и значительный мужчина, значит, она не такая бездарная пустышка, в которую ее упорно пытаются превратить муж со своей мамашей.

Правда, от встречи с Юрием на душе остался горестный осадок и жизнь казалась еще скучнее и беспросветнее, чем раньше, но за все надо платить, не так ли? Ей постоянно вспоминалось лицо Юрия, особенно в последнюю встречу – напряженное и серьезное. Посмотрев в такое лицо, женщины начинают верить, что любимы.

Отмахнувшись от провокационных мыслей, зашла за дочкой в детский сад. Медленно пошла по аллее среди старых деревьев, ведя Машу за ручку. Та весело подпрыгивала рядом, звонко стрекоча о воспитательнице, нянечке и товарищах по играм. Даша вполуха прислушивалась к ее болтовне, изредка вставляя словечко.

Подшли к дому, открыли калитку, ответившую им противным скрипом. Даша нахмурила брови, пытаясь вспомнить, где же лежит машинное масло. Достала из кладовки остроносый флакончик, полила в заржавевшие петли и снова покачала калитку. Та продолжала упрямо скрипеть, не желая признавать хозяйку.

Даша тихо пробормотала:

– Даже для калитки в этом доме я не указ... – и продолжила борьбу за тишину, обильно наливая в пазы масло.

Как на грех, мимо проходила соседская чета Моховых. Тетя Валя, въедливая и откровенная хохотушка, не преминула прокомментировать:

– Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик. Твой-то кабан где? Небось опять у телевизора брюхо свое отращивает?

Даша нейтрально улыбнулась и поздоровалась, не говоря о муже ничего – ни плохого, ни хорошего. Наконец калитка, сдавшись, перестала выдавать скрипучие рулады и она с чувством выполненного долга вошла в дом.

Стояла блаженная тишина – Валерий уехал в командировку. Летом он перешел работать на кирпичный завод в небольшом соседнем городке и развозил кирпич заказчикам по объектам. Платили немного больше, чем в санатории, но и работа была гораздо тяжелее. Бывало, гнать самосвал приходилось на другой конец области, и тогда он отбывал на неделю.

Несколько дней, пока Валерий был в командировке, в доме царил покой. Даже приходящие вечером на ужин свекровь со свекром вели себя непривычно тихо, не скандалили и не придирались. Но в четверг он вернулся, и идиллия закончилась. Он опять говорил жене пако-сти, всячески подначивая на ссору. Казалось, его просто распирает от какого-то неведомого ей злорадства. Чтобы не провоцировать скандал, Даша ушла с дочкой в детскую, куда муж заглядывать не любил. Спать улегся в большой комнате рядом с обожаемым телевизором и жену не тревожил.

Утром ей пришлось встать раньше обычного: администрация санатория назначила профсоюзное собрание на семь часов. Явка обязательна, опоздавшие приравнивались к злым нарушителям дисциплины. Натянув джинсы с теплым свитером, чтобы не мерзнуть, увела дремлющую Машу в садик. Ребенка, конечно, мог попозже отвести и папаша, но Даше не хотелось выслушивать очередные упреки в нерадивости.

Заскочила в актовзй зал главного корпуса как раз вовремя. Едва села рядом с зевающей во весь рот Марьей Ивановной, как объявили начало. Собрание было очень важным – принимали коллективный договор. Гордый собой председатель профкома долго и нудно перечитывал каждый пункт, заставляя членов голосовать отдельно за каждую мелочь.

В результате собрание закончилось лишь в девятом часу, да и то после того, как управляющий, сидевший в президиуме, выразительно посмотрел на председателя и с намеком постукал пальцем по наручным часам. После этого безмолвного внушения тот стремительной скороговоркой зачитал, что там осталось, народ оптом за остатки проголосовал, и быстренько разбежался по рабочим местам.

Даша, опасавшаяся, что Вера ляпнет на собрании что-нибудь этакое, за что ее уволят без выходного пособия, была искренне рада, что та просто не появилась. Заведующий их отделением, боявшийся того же, сделал вид, что не заметил отсутствие самой заметной из своих медсестер, что само по себе уже было маленьким подвигом.

Когда Даша с Марьей Ивановной зашли в корпус, Вера уже ждала их в кабинете, хмуро просматривая листки назначений, умудряясь одновременно жевать толстенный бутерброд с разрезанным пополам батоном копченой колбасы, запивая всё это черным кофе из полулитрового белого бокала. Марья Ивановна для проформы спросила, уверенная в очередном ЧП:

– Чего это тебя на собрании не было? Опять что-то стряслось? Пожар, наводнение, катастрофа?

Вера подняла к ним глаза, удивляясь неодобрению, звучавшему в голосе коллеги.

– Да ничего не случилось. Я просто проспала. Спала-спала и проспала.

Даша удивленно взглянула на обычно приветливую подружку. Осторожно спросила:

– А почему ты проспала? Будильник не услышала?

Вера сердито хлопнула рукой по стопке бумаг и тут же зачихала от столба поднявшейся пыли.

– Нет, он вообще не зазвенел. Света не было. – Посмотрев на недоумевающее лицо Марьи Ивановны, уточнила: – Будильник у меня электрический. Вчера я пробки чинила, поэтому сегодня во всем доме света нет. Вы только не говорите никому, что это моя работа, а то с утра все соседи так ругались! Темно же на улице, пришлось со свечками на работу собираться. – Добавила затухающим голосом: – Да и свечки не у всех были.

Даша сразу догадалась, что подружка вспомнила сборы впотьмах, поскольку явно это она оказалась незапасливой.

Пораженная Марья Ивановна захотела узнать, зачем Вере понадобилось самой чинить пробки, и какие такие пробки она чинила в доме, где стоят одни пакетники, но тут вошел Максим Вадимович, лечащий врач, и расспросы пришлось прекратить.

Даша ушла в процедурный кабинет, мучимая той же загадкой, что и Марья Ивановна: с чего это подружке вздумалось изображать из себя крутого электрика? Приготовила одноразовые шприцы, вату и жгуты для внутривенных вливаний и пригласила первого пациента. Дежурство проходило как обычно. Черда пациентов неспешно тянулась друг за другом.

Последним был Иван Васильевич, очень приятный мужчина чуть-чуть за пятьдесят. Он отдыхал здесь вместе с женой, милой женщиной на пару лет моложе. Они понравились Даше сразу – открытые и обаятельные, они всем приходились по душе. Даша с удовольствием выполняла для них назначения врачей, непринужденно болтая при этом, чего никогда не позволяла

себе с другими отдыхающими. И даже пару раз пила в их номере чай с очень вкусными вафлями и конфетами, что было чревато по меньшей мере выговором.

Она поставила Ивану Васильевичу последний укол из назначенного ему курса. Черкнула в его курортной книжке пару слов об инъекции и протянула ее пациенту с искренними пожеланиями счастливого пути.

Иван Васильевич поклонился в знак признательности и со старомодной учтивостью произнес:

– Огромное спасибо, Дашенька! Вы не могли бы пройти со мной к жене? Нам бы хотелось с вами попрощаться. И поговорить, естественно.

Даша выглянула в коридор – пациентов больше не было. Согласившись, торопливо вышла из кабинета вместе с Иваном Васильевичем, закрыла дверь на ключ. Лифт стоял на первом этаже с распахнутыми дверцами, как будто дожидаясь пассажиров. Они вошли в пластиковую кабинку и плавно поднялись наверх.

Тамара Сергеевна их уже ждала. На ней было непривычное для глаз Даши темно-синее трикотажное платье. Обычно, как и большинство отдыхающих, Тамара Сергеевна ходила по корпусу в удобном и дорогом, но не модном спортивном костюме. Увидев гостью, порывисто ее обняла.

– Знаешь, милая, мы тут с Ваней посоветовались и решили пригласить тебя к нам. Мы ведь как-то говорили тебе, что работаем в ООО «Спектр-Радуга»?

Вопросительно взглянула на Дашу, дожидаясь подтверждения. Та согласно кивнула. Она слышала об этой фирме, выпускающей сложное электронное оборудование, в том числе и высокоточные медицинские приборы.

Тамара Сергеевна увлекла ее в комнату, усадила за стол, налила чаю в тонкую фарфоровую чашку, коими снабжались все номера люкс, поближе подвинула раскрытый набор шоколадного печенья в причудливой пластиковой коробочке. Приветливо продолжила, открыто улыбаясь:

– Ты милая девочка, Даша, мы давно ищем такую медсестру в наш медпункт. С ними нашему ООО не везет: – то в декрет уйдет, то нрав, мягко говоря, не соответствует медицинскому работнику. Я, как начальник отдела кадров, давно уже с ног сбилась, ведь найти сотрудника с подходящей квалификацией и приветливым характером даже при хорошей зарплатой достаточно сложно. Если ты согласишься, на работу примем тут же. Ваня – заместитель директора, и с устройством проблем не будет. Он меня поддержит, когда я предложу твою кандидатуру. – Видя колебания девушки, торопливо добавила, положив руку ей на плечо: – И насчет жилья не беспокойся. Мы уже говорили тебе, что наша дочь уехала в Штаты и живет теперь с мужем и ребенком в Бостоне. Возвращаться пока не собирается. Квартира ее пустует, поселишься там, у нас хотя бы голова болеть не будет, что там и как. А то без перерыва туда мотаемся с проверками. К тому же квартира рядом с нашим офисом, можно дойти пешком минут за двадцать – тридцать. Так что все замечательно. – Заметив, что особого восторга от их предложения девушка не испытывает, опечаленно добавила: – Ты подумай, скажем, до первого ноября, и позвони нам. Если надумаешь, будем очень рады. Ну, а после этого срока будем искать кого-нибудь другого. Договорились?

Немного запинаясь от неожиданно великодушного предложения, Даша их поблагодарила, допила чай, из вежливости взяла предложенную ей визитку с телефонами, еще раз пожелала счастливой дороги и ушла.

Супруги понимающе переглянулись. Тамара Сергеевна изящно присела на стул, откусила кусочек печенья, задумчиво пожевала.

– Не согласится, а жаль! Такая милая девочка! Ей бы уйти от мужа, мне кажется, ей с ним не повезло!

Иван Васильевич, прекрасно знавший о стремлении жены устраивать чужие судьбы, лишь усмехнулся и сел рядом, подвинув стул.

– Почему ты так решила? Она ничего плохого о нем не говорила.

Жена с досадливым осуждением мужской непонятливости посмотрела на спутника жизни.

– Конечно, нет, это же непорядочно, а она благородная девочка. Но заметь, что хорошего о муже ею ничего сказано не было. Она на все вопросы о нем отвечает индифферентно, как о покойнике. Помнишь – или хорошо, или ничего. А счастливая жена нет-нет, да и вспомнит что-нибудь доброе о муже. И поверь моей женской интуиции, Даша здесь несчастлива. Это по глазам видно. Глаза у нее такие... – Она опустила голову, выбирая подходящее слово: – Обездоленные, скорбные, хотя она и пытается это скрывать. Мне ее, честно говоря, жаль, хотя она и не жалуется. От нее такой печалью порой веет, просто сердце ноет. Хорошо бы как-то вытащить ее отсюда. Уж очень она славная.

Муж привычно согласился с мудрой женой, за долгие годы брака усвоив, что она всегда права. Они допили чай, Тамара Сергеевна рачительно перемыла посуду и сдала номер горничной. Иван Васильевич подхватил приготовленные чемоданы и они спустились на лифте вниз, к ожидающей их служебной машине. Приехавший за ними водитель вежливо поздоровался, помог погрузить вещи в багажник, спросил, как они провели отпуск, и непритворно порадовался, услышав в ответ: – «Замечательно! Лучше, чем на юге!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.